

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. П. Козлов
А. П. Севастьянов

**ЕДИНИЧНЫЕ
И МНОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Ю Р И Д И Ч Е С К И Й
Ц Е Н Т Р

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Анатолий Козлов

**Единичные и множественные
преступления**

«Юридический центр»

2011

ББК 67.408

Козлов А. П.

Единичные и множественные преступления / А. П. Козлов —
«Юридический центр», 2011 — (Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса)

В работе анализируются единичные и множественные преступления с позиций их определения, классификации, квалификации и назначения наказания. Такой подход позволил авторам создать достаточно полную картину взаимосвязи исследуемых категорий уголовного права в их соотношении друг с другом и правовых последствий данного соотношения. Работа рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

ББК 67.408

© Козлов А. П., 2011

© Юридический центр, 2011

Содержание

Введение	6
Часть 1	7
Раздел I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
§ 1. Единичные простые и сложные преступления	17
§ 2. Виды сложных единичных преступлений	29
Раздел II	59
Глава 1	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анатолий Козлов, Александр Севастьянов

Единичные и множественные преступления

Рецензенты:

А. И. Коробеев, доктор юридических наук, профессор

С. Ф. Милюков, доктор юридических наук, профессор

Авторы:

канд. юрид. наук, доц. А. П. Козлов – часть 1, часть 2, раздел I части 3 (в соавт. с А. П. Севастьяновым), раздел II части 3; канд. юрид. наук, доц. А. П. Севастьянов – раздел I части 3 (в соавт. с А. П. Козловым).

© А. П. Козлов, А. П. Севастьянов, 2011

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2011

Введение

В уголовном праве одной из сложнейших проблем признается множественность преступлений. Теория уголовного права не может до сих пор предложить устоявшееся, юридически грамотное, приемлемое определение множественности преступлений. Не исключено, что именно из-за этого законодатель не формулирует данный институт в Уголовном кодексе, хотя в проектах УК такие законодательные предположения существовали. Ни теория уголовного права, ни уголовный закон не имеют четкого и ясного представления о видах множественности, об этом свидетельствует регулярное изменение их регламентации в УК.

Нет ясной картины ни в теории уголовного права, ни в судебной практике, ни в законе и по вопросу о квалификации множественности преступлений и установлении уголовной ответственности при множественности преступлений.

Не менее сложная ситуация существует и вокруг единичных преступлений, которые являются основой множественности преступлений: законодатель их не регламентирует, теория уголовного права не дает четкого их определения и деления на виды; судебная практика довольно часто не желает соотносить свои решения с видами единичных преступлений. Именно поэтому исследование множественности преступлений мы предваряем анализом единичных преступлений с их определением, классификацией и квалификацией. И предлагаем читателю свой взгляд на уголовную ответственность за единичное преступление и при множественности преступлений.

Часть 1

Единичные и множественные преступления: их понятие и классификация

Раздел I

Единичные преступления: понятие и классификация

Глава 1

Понятие единичного преступления

Прежде чем вести речь о множественном преступлении, необходимо осознать одну аксиому: множественное явление всегда состоит из единичных. Теория уголовного права уделяет этому достаточное внимание и выделяет это единичное, но под разными наименованиями – «единое», «единичное», «особенное». Разумеется, если сущность исследуемого не меняется в зависимости от наименования, то различие в наименовании особого значения не имеет, тем не менее, точное наименование любого явления – залог точного поиска его сущности. В этом смысле более верным является наименование того особенного, совокупность которого составляет множественность, как *единичного*, поскольку термин «единое» показывает лишь внутреннюю целостность явления, тогда как термин «единичное» свидетельствует не только о внутренней целостности, но и об обособленности явления вовне. Именно эта двойственность сущности последнего термина и привлекает нас в нем. Следует согласиться с И. Б. Агаевым, который считает, что более точным является термин «единичное».¹

Проблема соотношения единичных и множественных преступлений и связанные с нею проблемы понимания и классификации тех и других сравнительно давно находятся в центре внимания криминалистов. Это вызвано и реальным существованием единичных и множественных преступлений, и сложностью их понимания и определения, и сложностью их взаимосвязи. При этом теория уголовного права знает реальные попытки дать более или менее четкое определение единичного преступления, что позволило бы отграничить его от множественного, и фактическое отношение к подобному. Так, Н. С. Таганцев следующим образом понимал единичное преступление: «Определяя преступление как посягательство на норму в ее реальном бытии, мы предлагаем, как общее правило, единое, более или менее точно очерченное действие лица, посягающее на норму и единую также строго определенную норму как предмет посягательства».² Здесь нужно обратить внимание на то, что под нормой автор понимает социальную норму («не убей», «не укради» и т. д.³). Именно поэтому единое действие лица не может быть «четко очерчено» («не убей» нарушается и умышленным убийством, и неосторожным лишением жизни, и терактом, и посягательством на жизнь работника милиции и т. д.). В то же время весьма позитивным представляется рассмотрение Н. С. Таганцевым единого преступления как единого *действия* лица, о чем ниже будет сказано более подробно.

Критически относился к возможности выработки критериев определения единичного преступления Н. Д. Сергеевский, считая это проблемами конкретного преступления и, следо-

---

¹ Агаев И. Б. Проблема повторности в уголовном праве. М., 2004. С. 21.

² Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. СПб, 1878. С. 255.

³ Там же. С. 256 и др.

вательно, обязанностью суда, тем не менее, предлагает три момента по установлению единичного преступления: а) разделение действий во времени не исключает их единичного характера; б) связь между человеком и тем, что им сделано; в) временное отношение субъективного настроя в отдельных актах.⁴ Здесь мы видим, что на обобщенном, не ясно выраженном уровне высказаны те же самые положения, которые позже более четко выразил С. В. Познышев: и о взаимном отношении субъективного настроя – едином умысле и общей цели; и о существовании единичности при нескольких отдельных во времени актах, т. е. невзирая на свой скепсис, автор наметил довольно точную тропу к пониманию единичного преступления.

Точнее, на наш взгляд, описывал единичное преступление С. В. Познышев: «Единство преступления предполагает, прежде всего, единство объекта, на который направляется посягательство. Надо выяснить, какой объект намечен был виновным как предмет его посягательства. Единство действия предполагает, далее, одно общее решение подвергнуть известному воздействию данный объект, хотя, быть может, по частям и в несколько приемов. Наконец, предполагается одна, хотя, быть может, и распадающаяся на несколько отдельных по времени актов деятельность, направленная на этот объект».⁵ Основными достоинствами здесь выступает следующее: 1) автор в понимании единичного преступления объединяет объективные и субъективные начала и делает упор на одно общее решение, что означает и единство умысла, и общность цели и 2) автор старается обратить внимание на то, что раздельность актов поведения не исключает единичного преступления. В то же время следует отметить: С. В. Познышеву не удалось до конца определиться с единичным преступлением, поскольку упоминаемая им одна деятельность не всегда носит столь однозначный характер, чтобы опираться на нее при установлении единичного преступления.

В теории советского уголовного права продолжают поиски наиболее оптимального определения единичного преступления. Достаточно полно дискуссии о понятии и определении единичного преступления отражены в работе В. П. Малкова,⁶ поэтому не видим смысла в их повторении. Остановимся только на некоторых принципиальных вопросах и более поздних позициях.

Так, Н. Д. Дурманов считал: «Отдельное конкретное преступление в принципе соответствует отдельному конкретному действию или бездействию субъекта или отдельному деянию, если этот термин употреблять для обозначения действия и бездействия в сочетании с вызванными ими результатами».⁷ Подобное более общее понимание единичного преступления, нежели ранее предлагаемое в теории русского уголовного права, естественно, не украшало советское уголовное право, поскольку в нем терялись критерии единичного преступления. Ведь автор признавал единичным «отдельное конкретное преступление», т. е. то, что зафиксировано в законе в виде отдельной части статьи или статьи при отсутствии частей. И это при том, что, по мнению Н. Д. Дурманова, Н. С. Таганцев и Н. Д. Сергеевский «приблизались к правильному решению вопроса».⁸ Думается, автор допустил в данном случае формально-логическую ошибку «слишком широкого определения».

По существу, подобное элементарное представление о единичном преступлении как единичном деянии, приводящем к единому результату, и зафиксировано в теории в качестве простейшего понимания единого преступления.⁹ Если бы вся масса единичных преступлений

⁴ Сергеевский Н. Д. Пособие к лекциям. СПб., 1905. С. 313.

⁵ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 638.

⁶ Меткое В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 51–74.

⁷ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Л.; М., 1948. С. 65.

⁸ Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 64.

⁹ Герцензон А. А. Квалификация преступления. М., 1947. С. 15; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1958. С. 78; Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 22; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 662–663 и др.

заклучалась только в этом, вообще не было бы проблем с пониманием единичного преступления. Мы бы раскрыли в полном объеме понятие преступления,¹⁰ и этим бы ограничились. Однако жизнь богаче, и в качестве единичного преподносит нам и нечто иное, не ограниченное единым действием и единым результатом.

Сложности в понимании единичных преступлений прежде всего связаны с необходимостью ясно и четко разобраться в вопросе о том, что мы имеем в виду, говоря о единичном преступлении: конкретное реально совершенное общественно опасное деяние или диспозицию нормы как вид преступления. Данная проблема была поставлена еще в XIX веке Н. С. Таганцевым, который писал, что осложнение единичных преступлений зависит либо «от свойства самой нормы как предмета нарушения или 2) от свойства самых действий нарушителя».¹¹ И в дальнейшем теория уголовного права не видит в этом ничего предосудительного. Так, по мнению В. П. Малкова, «нередко в преступных деяниях, относящихся к составным преступлениям, можно обнаружить признаки продолжаемого, в преступлениях с альтернативными действиями – признаки составного или длящегося преступления и т. п.».¹² Как видим, автор даже не обращает внимания на указанное смешение нормы уголовного закона и реальности и видов единичных преступлений между собой.

Подобное смешение сохраняется до настоящего времени. Например, В. Н. Кудрявцев считал и считает, что «в основе признания того или иного *поступка или группы человеческих поступков* единичным преступлением (здесь и ниже выделено нами. – А. К.), а следовательно, и в основе конструкции нормы Особенной части, его предусматривающей, лежат специальные свойства этих поступков... Единичным преступлением в законодательстве признается такое сочетание актов поведения...».¹³ С одной стороны, автор связывает единичное преступление с реальной деятельностью человека, с другой стороны, относит его к закону. То же самое мы встречаем и у других авторов: «Для признания того или иного преступления единым с точки зрения правовой необходимо, чтобы составляющие его, связанные между собой в реальной жизни противоправные действия были зафиксированы, выделены в законе в качестве одного, единого состава преступления»;¹⁴ «общепринятым в теории уголовного права является мнение, согласно которому под единичным преступлением понимается общественно опасное деяние, подпадающее под действие одной уголовно-правовой нормы, т. е. содержащее признаки одного состава преступления»;¹⁵ «единичным преступлением признается такое деяние, которое содержит состав одного преступления и квалифицируется по одной статье или ее части».¹⁶ Вполне понятно, почему это происходит: конкретное деяние становится преступлением только тогда, когда оно соответствует признакам какой-либо диспозиции уголовного закона, отсюда преступление выступает как некое единство поведения и закона. Тем не менее такая позиция не может устроить ни теорию уголовного права, ни практику, поскольку она не позволяет уточнить, что же создает специфику единичного преступления – поведение или закон.

В этом плане, представляется, не особенно удалось определение единичного преступления Е. А. Фролову, Р. Р. Галиакбарову, Т. Э. Караеву и др. Так, последний пишет, что единичным преступлением являются такие общественно опасные действия, «которые, будучи внутренне связаны между собой мотивами и целями поведения субъектов, сравнительно часто

¹⁰ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004.

¹¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 255.

¹² Малков В. П. Указ. соч. С. 91.

¹³ Кудрявцев В. Н. 1) Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 282; 2) Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 240.

¹⁴ Семернева Н. К., Новоселов Г. П., Николаева З. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания. Свердловск, 1990. С. 4.

¹⁵ Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Владивосток, 1999. С. 550.

¹⁶ Курс уголовного права. Т. 1. М., 1999. С. 500.

именно в таком сочетании встречаются в реальной действительности и в силу этой типичной объективной и субъективной их взаимосвязи выделяются законом в составе преступления».¹⁷ Недостатками данного определения является следующее. Во-первых, все определение в целом заранее рассчитано на многомоментное действие («действия, которые»), в результате чего остается за его пределами одномоментное поведение. Во-вторых, в нем указано на внутреннюю связь действий; с этим можно было бы согласиться, если бы автор говорил о функциональной связи телодвижений, поскольку именно она, прежде всего, характеризует внутреннюю связь действий; однако автор эту внутреннюю связь оформляет только с позиций мотива и цели, отсюда и последующее высказывание об *объективной* взаимосвязанности действий повисает в воздухе, остается без подтверждения. В-третьих, в определении обращается внимание на то, что единичное преступление сравнительно часто встречается в реальной действительности и действия в нем типично взаимосвязаны. По существу, это господствующая в теории уголовного права,¹⁸ но не совсем точная позиция, ведь трудно было признать «сравнительно распространенными» применительно к УК 1960 г. нарушение законодательства о континентальном шельфе, незаконное пользование знаками Красного Креста и Красного Полумесяца, повреждение морского телеграфного кабеля и т. д., и применительно к УК 1996 г. массовые беспорядки, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, противоправное изменение государственной границы Российской Федерации и т. п.; т. е. распространенность для преступлений не является существенным признаком, она не определяет преступление. Неудобно напоминать, но признаками преступления признаются общественная опасность, противоправность и по желанию авторов, виновность, наказуемость, аморальность. Можно возразить, что противоправность свидетельствует о распространенности явления. Однако такое возражение некорректно: 1) противоправность показывает *типичность* явления, т. е. выделяет *тип* поведения, что вовсе не доказывает его распространенности – разговоры о распространенности в данной ситуации являются обычной софистикой: если совершено хотя бы одно посягательство такого типа, то оно в соответствии с отсутствием вообще посягательств *сравнительно* распространено; 2) сравнительная распространенность явления вовсе не свидетельствует о его преступности (очень распространен в обществе переход улицы пешеходом в неположенном месте, но от этого он не становится до определенных условий преступлением); 3) в уголовном законе формируются виды преступлений не по признаку распространенности деяния, а по степени его общественной опасности, по значимости объекта посягательства (и это, в общем-то, аксиома). В-четвертых, неопределенный характер носит высказывание о выделении единичного преступления законом «в составе преступления» в силу неопределенности понимания состава (на наш взгляд, термин «состав преступления» вообще в уголовном праве является излишним и при анализе преступления можно вполне обойтись без него¹⁹). Анализируемая точка зрения уже подвергалась критике в теории уголовного права.²⁰ В результате мы видим, что критикуемый подход несет в себе сразу две формально-логические ошибки: и слишком узкого – с одной стороны, и слишком широкого – с другой (применительно к распространенности) определения.

С указанных позиций следует обратить внимание на подход к решению вопроса А. М. Яковлева. По его мнению, единое преступление образует следующее сочетание действий и последствий: а) единичное действие вызывает единичное последствие; б) единичное действие вызывает несколько однородных последствий; в) несколько однородных действий вызывает единичное последствие; г) несколько однородных действий вызывает несколько однородных последствий; д) единичное действие вызывает несколько разнородных последствий; е)

¹⁷ Караев Т. Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 8.

¹⁸ См. Кудрявцев В. Н.: 1) Общая теория квалификации преступлений. С. 282; 2) Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 240, и др.

¹⁹ См.: Козлов А. П. Указ. соч. С. 173–189.

²⁰ См.: Малков В. П. Указ. соч. С. 64.

несколько разнородных действий вызывает несколько разнородных последствий.²¹ При всей дискуссионности предложения (например, отнесения к единичным преступлениям нескольких однородных действий, вызывающих несколько однородных последствий; или нескольких разнородных действий, вызывающих несколько разнородных последствий; а также отсутствие в указанном перечне нескольких разнородных действий, вызывающих единичный результат) в нем содержится один важный позитивный момент – автор определяет единичное преступление как реально существующую категорию, а не свойство закона.

В уголовном праве логика совершения преступления довольно-таки проста: коль скоро виновность объявляется самостоятельным признаком преступления (это господствующая точка зрения, хотя есть и сомневающиеся), постольку преступление начинается с момента возникновения негативного по отношению к обществу психического отношения и завершается причинением вреда. Следовательно, все, что располагается в этом интервале, представляет собой одно преступление: сюда входит и возникновение вины с мотивационной сферой, и создание условий, и исполнение преступления. Значит, если виновный сначала создал условия для исполнения преступления, затем совершил действия по исполнению преступления, которыми причинил вред, то все это – одно преступление. Отметим для себя аксиому: создание условий здесь отдельной квалификации не требует, так как все поведение человека – единое преступление. Мало того, это единичное преступление, которое не находит однозначного оформления в какой-либо норме уголовного закона.

Такие действия приобретают самостоятельный характер в трех случаях: 1) при прерывании этих действий и появлении неоконченной преступной деятельности; 2) при их совершении другими лицами (соучастие); 3) при признании их самостоятельными преступлениями (бандитизм, в определенной части – ст. 218 УК). Первые два случая нас в данной ситуации мало интересуют, но третий прямо касается проблемы единичного и множественного преступления, потому что создание условий, выразившееся в изготовлении и ношении оружия, сразу требует квалификации по совокупности с основным поведением виновного. Возникает реальный вопрос: в целом единое преступление превращается во множественность благодаря специальному оформлению создания условий в законе или остается единичным? А может быть, есть две разновидности единичного преступления: на конкретном уровне и на уровне закона? Ведь не случайно в уголовном праве господствует мнение, обосновывающее единичность преступления с позиций социальных и юридических,²² при котором берется за основу не конкретное преступление, а оформление преступления в законе – диспозиция нормы, что порождает массу недоразумений.

Давайте все-таки разберемся, о чем мы говорим: о единичных преступлениях на уровне диспозиций или на уровне конкретного деяния. Дело в том, что по многим видам преступлений конкретно содеянное и диспозиция нормы не совпадают по содержанию, что вовсе не исключает преступности содеянного. Это наиболее ярко выражается в альтернативных преступлениях, когда диспозиция предусматривает ряд действий (например, в ч. 1 ст. 222 УК – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия), тогда как для реального единичного преступления достаточно совершения одного из указанных действий (либо приобретения, либо передачи, либо сбыта и т. п.) или определенной совокупности действий (приобретения, хранения и ношения). Резонно возникает вопрос, что из всего этого признавать единичным преступлением: в целом альтернативную диспозицию или конкретно содеянное, а ведь от решения вопроса зависит тот объем элементов, который мы должны доказать как структуру единичного преступления. Смешение же диспозиции и реаль-

²¹ Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 19–22.

²² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 283; Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1974. С. 4; Караев Т. Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 7–8 и др.

ного деяния в указанных случаях приводит к терминологической путанице, к невозможности однозначного определения объема доказывания.

Скорее всего, мы здесь имеем две самостоятельные классификации: классификацию диспозиций, которая не определяет вид преступления (прошу обратить внимание на название статьи, например, 222 УК – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, т. е. не обособлен вид преступления, как это делается в других статьях – кража, убийство, изнасилование и т. д.), и классификацию конкретного отдельного поведения как преступления. Исходя из такого подхода, и единичные, и множественные преступления должны рассматриваться на уровне реально содеянного, которое по объему признаков и элементов может совпадать с диспозицией, а может совпадать с ее частью либо существовать с различным набором элементов, содержащихся в целом в диспозиции. В качестве примера можно привести кражу как вид преступления, отраженный в законе: на уровне конкретно совершенных преступлений она может быть и единичным простым, и единичным сложным (продолжаемым) преступлением.

Чтобы избежать терминологической путаницы, невозможности размежевать классы и подклассы, необходимо жестко определиться в понятии единичного преступления, четко соотносить его с действительностью и абстракцией (диспозицией нормы). В приведенных выше определениях единичного преступления акцентировалось внимание на том, что под таковыми понимается конкретное деяние конкретного лица, т. е. преступление – феномен действительности. Естественно, что оно выражается через диспозицию, но только лишь выражается, и степень этого выражения бывает различной – менее обобщенной и более обобщенной, более узкой и более широкой, в зависимости от волеизъявления законодателя. А. С. Никифоров в свое время писал, что конкуренция реального и дефиниции должна быть разрешена в пользу реальности.²³ Отсюда и соотношение единичного преступления и диспозиции может носить либо равнозначный характер, либо характер частичного совпадения признаков, поскольку иногда диспозиция предусматривает несколько видов преступлений. В этом плане представляется довольно верным в первом приближении мнение В. В. Питецкого-младшего, который разделяет *сложные единичные преступления и сложные составы преступления*.²⁴

Сложность здесь видится также в том, что деяния уже сравнительно давно подразделяются на одномоментные и многомоментные, в зависимости от количества составляющих их телодвижений. Указанная сложность увеличивается в связи с тем, что трудно вычленишь вообще одномоментные действия. Похоже на то, что в природе уголовного права их не существует вовсе либо они чрезвычайно редки. Например, кража путем свободного доступа, когда виновный взял чужую вещь, представляет собой совокупность телодвижений – систему телодвижений для того, чтобы нагнуться к чемодану, систему телодвижений для охвата его ручки пальцами своей руки, систему телодвижений для поднятия чемодана. Даже простейшее поведение при оконченом изнасиловании с использованием беспомощного состояния потерпевшей – введение полового члена в область больших половых губ (как деликатно об этом пишет Пленум Верховного Суда) – с момента начала полового сношения, когда растление потерпевшей для признания изнасилования оконченом не требуется;²⁵ в более позднем постановлении Пленум ограничился более общим выводом: «Изнасилование следует считать оконченом преступлением с момента начала полового акта, независимо от его последствий»²⁶ нельзя в

²³ Никифоров А. С. Об ответственности за совокупность преступлений // Сов. гос-во и право. 1961. № 5. С. 67.

²⁴ Питецкий В. В. Составные нормы в уголовном праве России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 10.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 г. «О выполнении судами РСФСР постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании"» // Сб. Постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. М., 1978. С. 208–209.

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7. С. 7.

чистом виде признать одномоментным, поскольку оно тоже представляет собой динамичное поведение, систему телодвижений. На этом фоне проблема множественности телодвижений как составляющей единичное или множественное преступление еще более усугубляется.

И тем не менее очевидно, что в уголовно-правовом смысле иногда рассмотрение определенных телодвижений как множественных теряет смысл. Думается, одномоментным мы можем признать, прежде всего, такое поведение, которое осуществляется *кратковременно*. Однако сама по себе кратковременность еще не создает одномоментного деяния, поскольку в одну секунду можно произвести несколько выстрелов из автоматического и даже полуавтоматического оружия, которые никак нельзя считать одномоментными деяниями. Вторым признаком, помогающим определить одномоментное деяние, выступает *незначительная пространственная динамика деяний*. И этот признак сам по себе не является определяющим одномоментности поведения, поскольку возможно совершение различных телодвижений в довольно ограниченном пространстве (передернул затвор винтовки и нажал спусковой крючок). Существенным признаком одномоментного деяния является *однохарактерность* телодвижений, который сам по себе также не исключает многомоментности, но в сочетании с кратковременностью и пространственной ограниченностью создает уже довольно точный образ одномоментного деяния. И последним признаком одномоментного деяния можно назвать *системность поступательного развития поведения*, под которым понимается плавно-постепенная и в то же время поступательная система телодвижений одновременного действия (например, постепенный обхват ручки чемодана каждым пальцем руки в отдельности и совместное их сжатие перед поднятием чемодана). Таким образом, *под одномоментным мы понимаем кратковременное при незначительной пространственной динамике однохарактерное системно-поступательное поведение*.

Собственно, все четыре признака одномоментного деяния друг с другом тесно связаны. При этом не нужно смешивать однохарактерные действия с однолинейным развитием и системой тождественных разнохарактерных телодвижений (например, несколько выстрелов из винтовки, когда идет повторяемость телодвижений: передернул затвор – нажал курок, передернул затвор – нажал курок).

Исходя из определения одномоментного деяния, можно установить понятие и признаки многомоментного деяния: *это – разнохарактерное многолинейное, не зависящее от временной и пространственной выраженности поведение*, т. е. оно может быть и краткосрочным, и долговременным, узкопространственным и развернутым достаточно широко в пространстве. Главное при этом, что телодвижения, объединенные в деяние, носят различный характер с разноплановым назначением каждого телодвижения (передергиванием затвора загоняется гильза в патронник, нажатием курка выталкивается пуля из гильзы).

Одномоментное деяние всегда связано с единичным преступлением, и лишь их недостаточное осуществление при известных условиях создает множественное преступление. Многомоментное деяние само по себе может стать множественным преступлением при различном отражении разнохарактерных телодвижений в уголовном законе. По существу проблема соотношения единичных и множественных преступлений заключается в значительной части в необходимости глубокого рассмотрения многомоментных деяний.

В единичных преступлениях всегда существует такая совокупность разнохарактерных деяний, которая является достаточной для причинения соответствующего вреда криминально значимым общественным отношениям. Количество и качество телодвижений жестко определить невозможно, поскольку система телодвижений не только по виду преступления, но часто и по каждому преступлению определенного вида бывает различной. Например, при убийстве выстрелом из винтовки, убийстве ударом ножа, убийстве удушением петлей и т. п. система телодвижений, их количество и качество различны; хотя надо признать, что при одном способе совершения преступления набор телодвижений достаточно типичен. Единственное, что объ-

единяет все разрозненные телодвижения, – совокупность их в том или другом варианте способна причинить смерть потерпевшему или сделать реально возможным причинение такого вреда. При этом, как правило, ни отдельные телодвижения, ни какая-либо частичная их совокупность в уголовном законе терминологически не обособляются, обычно терминологически выделяется вся достаточная для причинения вида совокупность телодвижений: убийство, кража, причинение тяжких телесных повреждений и т. д. Подобное обусловлено относительной очевидностью структуры деяния, т. е. той совокупностью телодвижений, которая свойственна конкретному виду преступления, и отсутствием необходимости толковать в законе эту структуру. И только при возникновении такой необходимости в законе раскрывается система телодвижений: изготовление, приобретение, ношение, хранение огнестрельного оружия, хотя и на довольно обобщенном уровне.

В чистом виде одномоментным бывает только бездействие. Обычно при бездействии отсутствует динамика поведения лица во времени и пространстве. Лицо ничего не делает в этот момент и в том месте, когда и где его активное поведение могло бы исключить общественно опасный вред. Даже если мы признаем, что обязанность и возможность действовать, как и само деяние, динамичны и представляют собой определенную систему телодвижений, то и в таком случае это будет только теоретической разверткой *возможного поведения*, тогда как реальное поведение – бездействие – одномоментно. Однако вполне возможно и многомоментное единичное преступление в виде бездействия, когда повторяемость одномоментного бездействия все-таки составляет единичное преступление. Например, систематическое некармливание новорожденного матерью, повлекшее за собой смерть потерпевшего от голода.

Многомоментность поведения имеет двоякий смысл и выступает либо в качестве единичного, либо в виде множественного преступления. В единичном многомоментном все телодвижения объективно связаны, поскольку мы всегда имеем здесь поступательное динамичное развитие, при этом функциональная связь телодвижений заключается в том, что каждое из них существует не само по себе, а для того, чтобы возникли и существовали последующие телодвижения: человек загоняет затвором патрон в патронник ствола винтовки для того, чтобы последующим нажатием спускового крючка освободить боек и произвести выстрел. Мы видим, что все телодвижения сливаются в единое поведение именно благодаря их функциональной связанности. Это характерно и для действия, и для бездействия (только здесь мы должны говорить об отсутствии телодвижений).

Функциональная связь различных телодвижений в многомоментном поведении в свою очередь существует для того, чтобы телодвижения, превратившись в определенную систему, привели к тому или иному опять-таки определенному результату. Результат – это тот конечный элемент преступления, который характеризует функциональную связь телодвижений. Если окажется, что какое-либо телодвижение является не значимым для наступлений данного результата ни в качестве такового, ни в системе с другими телодвижениями, то оно должно быть выведено из структуры преступного поведения и признано криминально безразличным, по крайней мере, применительно к данному последствию. Общность результата для всего многомоментного деяния – вот еще один объективный признак единичного преступления.

Коль скоро общественно опасные последствия представляют собой причиненный общественным отношениям вред, объект посягательства становится неотъемлемой частью единичного преступления.²⁷ Эта позиция не поддержана Т. Г. Черненко: «Единство объекта посягательства не может рассматриваться в качестве типичного признака единичного преступления, ибо, во-первых, общность объекта может иметь место и при множественности преступлений (например, и кража, и грабеж, и мошенничество имеют одинаковый объект), во-вторых, еди-

²⁷ Познышев С. В. Указ. соч. С. 313; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 229–230 и др.

ничное преступление может быть многообъектным, в таком случае речь уже приходится вести не об одном общем объекте, а об их совокупности».²⁸ Не готов с нею согласиться. Прежде всего, автор не права относительно того, что объект кражи, грабежа и мошенничества является общим; это поверхностный взгляд. Общность объекта означает, что существует *один* объект для нескольких видов преступлений. Однако автор имеет в виду одинаковость, тождественность объектов различных видов преступления, а не то, что существует один объект для них. Мало того, ведь мы определяем объект относительно каждого вида преступления, который и выделен в законе в зависимости от специфики вреда и, соответственно, специфики общественных отношений. Подобное очень наглядно представляется в преступлениях против здоровья, при анализе которых мы не можем сказать, что объект тяжкого вреда здоровью тот же, что и при легком вреде здоровью, поскольку разрушаются различные группы общественных отношений в каждом из приведенных случаев, хотя вроде бы «отношения по поводу здоровья» как объект одинаковы и там и здесь.²⁹ То же самое происходит с каждым из выделенных в законе видов преступлений. Не являются исключением из этого правила и преступления против собственности. Просто дифференцировать особенности нарушенных общественных отношений в каждом виде преступления против собственности гораздо сложнее, да и для практики это не вызывается необходимостью. Однако очевидно, что не могут быть одинаковыми общественные отношения, нарушаемые при тайном и при открытом хищении или при хищении, связанном с обманом либо злоупотреблением доверием. В каждом из приведенных Т. Г. Черненко видов преступлений существует своя особенность по группам нарушаемых общественных отношений, на которую специалисты просто не обращают внимания. Вместе с тем единичное преступление в принципе не может быть многообъектным, по крайней мере, применительно к существующему в настоящее время пониманию сложных единичных преступлений (даже продолжаемые преступления требуют единого источника, но об этом разговор впереди). Правда, Т. Г. Черненко исходит из собственного понимания сложных единичных преступлений и собственной их классификации; отсюда отнесение составных преступлений к единичным должно было с необходимостью привести автора к указанному выводу. Однако именно здесь остро встает вопрос о природе единичного преступления: что оно собой преимущественно представляет – характеристику реально содеянного или законодательно отраженного вида преступления.

Кроме объективных свойств единичное преступление характеризуется и субъективными признаками. Обычно теория уголовного права в качестве таковых выделяет вину, мотив, цель. Первая из них традиционно разделяется на прямой и косвенный умыслы, преступную самонадеянность и преступную небрежность. При совершении преступления с прямым умыслом в особо сложных случаях помогают установить истину направленность умысла и цель поведения, которые помогают признать объединенными или, наоборот, разъединенными различные телодвижения, точнее, позволяют констатировать наличие или отсутствие функциональной связи телодвижений.

На основе изложенного под единичным преступлением следует понимать *одномоментное деяние или систему многомоментных функционально и субъективно связанных телодвижений или их отсутствие, направленных на единый для них общественно опасный результат, нашедших отражение в диспозиции нормы или ее определенной части*. Таким образом, на наш взгляд, единичное преступление преимущественно характеризует реальное деяние, которое смоделировано в какой-то диспозиции нормы УК как в целом соответствующее или соответ-

²⁸ Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис... докт. юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 19.

²⁹ Подробнее см.: Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 251–252.

ствующее только какой-то части диспозиции. Именно поэтому нельзя признать диспозицию нормы, являющуюся только моделью преступления, единичным преступлением.

Исходя из этого вполне можно согласиться с теми признаками единичного преступления, которые выделяет И. Б. Агаев: 1) единичное действие (или бездействие) либо система действий (актов бездействия) человека находится в основе единичного преступления и фактически является его ядром;

2) единичное преступление посягает на единый объект, выражается в деятельности, подчиненной единому преступному замыслу;

3) объективные и субъективные признаки единичного преступления определяют преступление как сознательный волевой, целенаправленный акт лица;

4) единичное преступление является деянием либо системой деяний, обусловленных общим мотивом и единой целью;

5) все элементы преступного действия (или бездействия) либо системы действий (актов бездействия), представляя отдельные акты единого поведения субъекта, связаны между собой;

6) единичное преступление обладает общественной опасностью и причиняет вред в результате преступных действий (или бездействия);

7) единичное преступление соответствует одному составу преступления, описанному в Уголовном кодексе.³⁰ Не соответствует нашему представлению лишь несколько моментов: во-первых, И. Б. Агаев говорит об общественной опасности преступления, тогда как имеются и иные (другие) признаки преступления; остается непонятным, почему он обращается только к общественной опасности, ведь указанное корректируется указанием на соответствие содеянного составу преступления (п. 7), что отражает признак противоправности, в теории уголовного права выделяют и иные признаки преступления; во-вторых, не может преступление *соответствовать составу преступления*, поскольку преступление возникает, образуется как сплав реального деяния и диспозиции; деяние становится преступлением на основе данного соответствия; в-третьих, автор указывает только на причинение вреда как признак единичного преступления, тогда как возможны единичные преступления и с угрозой причинения вреда; в-четвертых, не следовало автору обращаться к неопределенному термину «состав преступления» – абсолютно непонятно, что является составом преступления в альтернативных диспозициях и что такое «состав преступления» вообще.

Сущность единичного преступления не меняется при неоконченном преступлении и соучастии в преступлении, в связи с указанными обстоятельствами может изменяться только степень общественной опасности содеянного.

Глава 2

Классификация единичных преступлений

Единичные преступления не однообразны по своему характеру, сущности и содержанию. В одних мы видим одно деяние и одно последствие, в других – несколько деяний и несколько последствий, в третьих – сложное деяние и т. д. Именно поэтому теория традиционно и вполне оправданно выделяет простые и сложные единичные преступления.³¹ А. А. Пионтковский пытался выделить обычные и иные единичные преступления,³² но в теории уголовного права данная классификация не применялась, поскольку терминологическое изменение не носило сущностного смысла.

---

³⁰ Агаев И. Б. Указ. соч. С. 26.

³¹ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. С. 255; Малков В. П. Указ. соч. С. 91; Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 4; Караев Т. Э. Указ. соч. С. 8, и др.

³² Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 632–633.

Кроме того, говоря о классификации единичных преступлений, нельзя забывать о том, что любое преступление имеет две стороны: объективную и субъективную, выделение каждой из них в теории и на практике крайне важно. Не случайно законодатель много внимания уделяет дифференциации умышленных и неосторожных преступлений, разграничению преступлений по целям и мотивам и т. д., показывая тем самым самостоятельную значимость субъективной стороны, поэтому и при классификации единичных преступлений (как и множественных) лучше всего пойти по пути создания двух уровней классификации: с объективной и с субъективной сторон. Классификация по объективной стороне заключается преимущественно в особенностях деяний, последствий, способов совершения преступления и т. п. объективных признаков преступления и представляет собой, прежде всего, выделение простых и сложных единичных преступлений с последующей их более глубокой классификацией. Классификация же по субъективной стороне заключается, главным образом, в специфике субъективных признаков содеянного: его вины, мотивов, целей. И хотя часто им сопутствуют особенности объективных признаков, тем не менее, основную роль в классификации играют именно субъективные признаки. На этом основании единичные преступления можно разделить на случайные и неслучайные. Первые из них во многом обусловлены сложившейся ситуацией, обстановкой, провоцирующей ролью их и потерпевшего и т. д. при абсолютной криминальной неподготовленности виновного. Во-вторых, влияние внешних факторов менее значимо, и здесь мы сталкиваемся с субъективно криминально подготовленными личностями, которые готовы при любой возможности совершить преступление; социальное и моральное торможение у лиц, совершающих такие преступления, значительно снижено или отсутствует вовсе. Правда, необходимо отметить, что деление на случайных и неслучайных преступников имеет существенное значение при рецидиве или иных видах множественности, нежели в единичных преступлениях.

§ 1. Единичные простые и сложные преступления

К простым «относятся деликты, характеризующиеся совершением одного действия, независимо от того, повлекло оно одно или несколько последствий. Например, умышленное убийство двух или нескольких лиц, подпадающее под действие п. 3 ст. 102 УК РСФСР».³³ Автор здесь несколько неточен. Во-первых, он противоречит сам себе: с одной стороны, говорит об одном действии, а с другой – приводит пример из п. 3 ст. 102 УК РСФСР. Общеизвестно, что убийство, предусмотренное данной нормой, может быть совершено одним действием в одном месте, в одно время и с одним результатом – лишением жизни конкретных двух или более лиц (взрывом гранаты, отравлением газом и т. д.), но может быть совершено несколькими действиями (в отношении одного лица – выстрелом из ружья, в отношении другого – ударом ножом), в разное время и в различных местах с причинением нескольких последствий (лишение жизни сначала одного, а затем другого человека). Ни для первого случая, ни для второго высказывание Т. Э. Караева абсолютно не годится, поскольку вне зависимости от количественной структуры деяния в п. 3 ст. 102 УК РСФСР (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) речь идет о нескольких последствиях, что отнести к простому единичному преступлению очевидно невозможно. Мало того, во втором варианте нет одного действия; признание здесь одного действия под тем условием, что оба действия функционально и субъективно связаны, с необходимостью должно привести и к признанию одного (а не двух, как у автора) последствий, поскольку и последствия функционально и субъективно связаны. Кроме того, признание в указанной ситуации одного действия и одного последствия автоматически приведет к тому, что продолжаемые преступления будут признаны единичными простыми, а не сложными, ведь в них (про-

³³ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 8.

должаемых) все действия и последствия функционально и субъективно связаны, потому они и признаются единичными преступлениями. Ясное понимание того, что п. 3 ст. 102 УК РСФСР охватывал только единичные сложные преступления, помогало четко их квалифицировать. Во-вторых, выделение случаев, когда одно действие влечет за собой два и более последствия, в качестве единичных сложных преступлений, требует дополнительной и весьма существенной аргументации (чего автор не сделал), поскольку здесь возникают проблемы единичных сложных с несколькими последствиями и идеальной совокупности, выделяемых в теории уголовного права.

Кроме этих двух классов в теории сделана попытка выделить еще другие виды единичных преступлений: они «могут быть тождественными (одинаковыми), разнородными и однородными».³⁴ Данная классификация не выдерживает критики. Единичное преступление не может быть ни тождественным, ни однородным, ни разнородным, в противном случае сразу возникает вопрос: тождественное, однородное, разнородное по отношению к чему? Ведь преступление совершается *одно, единичное*, его пока не с чем сравнивать. Все указанные автором виды – это категории множественности, только во множественности они могут принимать сопоставительный характер, заложенный в них. Именно поэтому данные виды характеризуют множественность преступлений, а не единичное преступление.

Скорее всего, *под единичным простым следует понимать единичное преступление при реальном совершении одного действия и причинении им одного реального результата*. При этом, разумеется, одно действие будет и тогда, когда оно выполняется частями (сначала заложил взрывчатку, через некоторое время взорвал ее) – многомоментное действие.

Вместе с тем в теории уголовного права предлагается более углубленная классификация единичных преступлений путем дополнительной классификации единичных сложных. Вот здесь начинается весьма важное сущностное и содержательное различие классов сложных преступлений.

В теории уголовного права предпринята оригинальная попытка выделить категорию «так называемых *дистанционных преступлений* (выделено нами. – А. К), в которых место деяния и его последствий не совпадает, а также для преступлений, отдельные акты которых или действия соучастников совершены в разных местах». В структуру дистанционных преступлений входят: преступления с отдаленным в пространстве результатом; преступления с двумя действиями; длящиеся преступления; продолжаемые преступления; преступления, совершенные в соучастии.³⁵ С точки зрения уголовного права данная новелла, на наш взгляд, неприемлема. Во-первых, уголовное право до сих пор не может разобраться с уже устоявшимся термином «сложное единичное», и заменять его новым менее понятным термином едва ли целесообразно. Во-вторых, указанная новелла в уголовном праве не может иметь значения, поскольку место совершения преступления в законе не определено и дифференциация места совершения деяния и места наступления последствия не существенна. Предлагаемая новелла весьма размыта: что будут делать авторы в ситуации, когда потерпевший отполз от места нанесения ударов ножом на три метра и там умер? Это дистанционное преступление или нет? И какое это будет иметь значение для уголовного права? Уверен – никакого. Возможно, подобное значимо с позиций расследования преступления (криминалистики), но причем здесь объективная сторона преступления? В-третьих, по структуре дистанционные преступления являются аналогом единичных сложных. Но и здесь по классификации нет ясности: преступления с отдаленным в пространстве результатом могут быть и продолжаемыми, и преступлениями, совершенными в соучастии; преступления, совершенные в соучастии, могут быть и всеми другими из указанных

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 184.

авторами. На наш взгляд, в приведенной новелле нет уголовно-правового смысла, и потому мы исходим из традиционного выделения сложных единичных преступлений.

К единичным сложным «относятся сложные деяния, состоящие из двух или нескольких преступных актов, предусмотренных одним составом преступления».³⁶ В определенной части данное определение отвечает действительному положению вещей: сложные преступления иногда характеризуются либо несколькими действиями и несколькими последствиями, функционально и субъективно связанными, либо несколькими действиями и системой бездействия, также функционально и субъективно связанными. Однако это еще не вся истина. Довольно часто сложные единичные преступления заключаются в совершении одного деяния и причинении им нескольких последствий, не случайно некоторые авторы выделяют преступления с тяжкими последствиями как единичные сложные; правда, Т. Э. Караев такого единичного сложного не выделяет, по-видимому, по примеру п. 3 ст. 102 УК РСФСР относит подобное к единичным простым. Также вызывает возражение отсылка автора к составу преступления, который мы считаем неопределенной, спорной категорией. Лучше, думается, было бы говорить об их отражении в диспозиции в целом либо в ее части.³⁷ Поэтому, на наш взгляд, *единичным сложным следует признавать единичное преступление, состоящее из одного или нескольких действий либо актов бездействия, направленных на возникновение нескольких последствий*; все остальные признаки его заложены в понятии единичного преступления.

Н. С. Таганцев считал, что сложные преступления «возникают тогда: 1) когда имеется множество норм, требующих сопоставления, а не соединения (различные виды приготовления, присвоение и растрата и т. д.); 2) когда преступление одновременно посягает на несколько норм – разбой (не следует забывать, что здесь норма – это социальная норма: "не убей", "не укради" и т. д. – А. К.); 3) длящиеся; 4) продолжаемые; 5) преступное ремесло, более или менее продолжительная деятельность виновного».³⁸

Н. Ф. Кузнецова вычленила четыре группы: либо несколько действий (купля и продажа при спекуляции); либо продолжаемые, либо длящиеся, либо при наличии двух ущербов, причиненных с двумя формами вины.³⁹ Позже автор выделила несколько иные виды сложного единичного преступления: составные; составы с двумя общественно опасными последствиями – основным и другим, более тяжким; составы с альтернативными элементами; составы, в которых менее тяжкое преступление служит способом совершения более тяжкого преступления; длящееся преступление и продолжаемое преступление.⁴⁰ Как видим, Н. Ф. Кузнецова добавила к своей прежней классификации еще два вида – составы с альтернативными элементами и составы, в которых менее тяжкое преступление служит способом совершения более тяжкого преступления. Составы с альтернативными элементами, скорее всего, включены автором на фоне господствующего сегодня мнения. Второй из указанных видов введен излишне, поскольку здесь мы имеем обычное составное преступление. При этом возникает одна проблема: можно ли признавать способ совершения преступления при определенных условиях самостоятельным видом преступления и, соответственно, строить на его основе составное преступление? Ответ на данный вопрос может быть только положительным, поскольку уголовное законодательство знает множество примеров, когда отдельное деяние становится способом другого преступления (например, насилие в тех или иных формах или подлог). Это тем более приемлемо,

³⁶ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы в советском уголовном праве. Казань, 1982. С. 14.

³⁸ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 256–257.

³⁹ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 79.

⁴⁰ Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений// Уголовное право. 2000. № 1. С. 25–32.

что сама автор пишет о составных преступлениях как слагающихся из двух наиболее простых составов с образованием единого состава.⁴¹

В. П. Малков предлагает следующие виды сложных единичных преступлений: а) составные преступления; б) преступления, в основе которых лежат альтернативные действия; в) преступления с двумя действиями; г) длящиеся; д) продолжаемые; е) преступления, квалифицированные наличием тяжких последствий (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР), и ж) преступления, в основе которых лежат повторные действия – непреступления.⁴² В более поздней работе автор отказывается от признания самостоятельным видом сложных единичных преступлений, квалифицированных наличием тяжких последствий, поскольку «такие преступления являются разновидностью сложных составных преступлений».⁴³ Учитывая, что составные преступления могут быть и альтернативными, а последние продолжаемыми,⁴⁴ автор без большого ущерба для собственной позиции может и остальные виды свести к составным преступлениям, оставив в качестве сложного единичного только составное преступление – единственный вид. В целом такую же структуру единичных сложных предложили Д. В. Качурин и И. С. Дедюкина, кроме преступлений с двумя действиями.⁴⁵

А. А. Пионтковский относил к иным единичным преступлениям: 1) продолжаемые; 2) длящиеся; 3) собирательные (в частности, повторные), под которыми понимал преступную деятельность, в виде промысла, либо указанную в законе повторность; 4) составные; 5) рецидив.⁴⁶

Т. Э. Караев признает сложными составные, продолжаемые и длящиеся преступления.⁴⁷

Г. Г. Криволапов считает, что к сложным нужно относить: 1) слагающиеся из двух разнородных действий (спекуляция); 2) квалифицированные наличием дополнительных тяжких последствий; 3) составные (бандитизм, разбой); 4) продолжаемые; 5) длящиеся преступления.⁴⁸

Г. Н. Хлупина к числу сложных единичных преступлений относит «преступления с альтернативными действиями, с двумя последствиями, с двойной формой вины, составные (комплексные), длящиеся, продолжаемые преступления, преступления с необходимой неоднократностью».⁴⁹

Некоторые авторы относят к сложным (составным) единичным длящиеся и продолжаемые преступления.⁵⁰

По мнению И. Б. Агаева, к единичным сложным относятся составные, продолжаемые, длящиеся преступления; преступления, образуемые альтернативными действиями; преступления, образуемые неоднократными действиями.⁵¹

Из анализа приведенных, начиная с русского уголовного права XIX века и кончая сегодняшним днем, позиций по классификации сложных единичных видно, что только продолжаемые и длящиеся преступления бесспорно относятся к ним. В них не вызывает сомнения функциональная и субъективная взаимосвязь деяний и последствий и их обособленность от

⁴¹ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 25.

⁴² Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 91.

⁴³ Малков В. П. Множественность преступлений. С. 16.

⁴⁴ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 91.

⁴⁵ Качурин Д. В., Дедюкина И. С. Единичное преступление // Следователь. 1999. № 4. С. 2.

⁴⁶ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 633, 640–646.

⁴⁷ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 8.

⁴⁸ Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 5–6.

⁴⁹ Хлупина Г. Н. Квалификация нескольких преступлений. Красноярск, 1998. С. 6.

⁵⁰ Бойко А. И., Ратьков А. Н. Классификация преступлений и ее значение в современном праве. Ростов н/Д, 2003. С. 39; Питецкий В. В. Указ. соч. С. 6.

⁵¹ Агаев И. Б. Указ. соч. С. 29.

единичных простых, потому мы их также без дополнительной аргументации относим к единичным сложным.

По остальным разновидностям единичного сложного единства в теории уголовного права нет. И нет по единственной причине – многие авторы признают классификацию условной: «Необходимо также указать условный характер данной классификации, так как с изменением социальной действительности и уголовного закона те или иные преступления могут переходить из сложных в простые и наоборот».⁵² И далее: «С учетом изменений, которые произошли в уголовном законодательстве, ныне среди сложных единичных преступлений следует различать составные и продолжаемые преступления, преступления, в основе которых лежат альтернативные либо повторные действия, и длящиеся преступления».⁵³ Прежде всего, отметим свое неприятие условности классификации,⁵⁴ тем более – единичных преступлений. Никакие социальные катаклизмы (революция в России 1917 г. ... длительное существование «тоталитарного» государства, буржуазный ренессанс) не смогли изменить отношения к продолжаемым и длящимся преступлениям как единичным. И только потому, что они точно и жестко определены в качестве единичных преступлений и не зависят от конъюнктуры. Все остальные шатания в теории уголовного права по вопросу видов единичных преступлений вызваны отсутствием ясного представления о требованиях, предъявляемых к единичным преступлениям. Мало того, И. А. Зинченко, вынеся в названии своей работы составные преступления за рамки единичных, лишила себя возможности называть первые единичными, а признав их единичными сложными, создала в работе противоречие.

Рассмотрим основные разновидности, предлагаемые теорией уголовного права в качестве единичных преступлений. К сложному единичному большинство авторов относит составные преступления, хотя некоторые это и не поддерживают (А. И. Бойко, А. Н. Ратьков и др.). Думается, здесь мы имеем тот случай, когда истина за меньшинством.

«Составными являются преступления, включающие в себя два или более преступных деяния, в отдельности представляющих самостоятельные преступления, но совершенные вместе, рассматриваемые как единое целое».⁵⁵ Любопытно то, что автор уже в названии работы пытается объединить в одно совокупность (множественность) и составные преступления (единичные преступления), да и в самой работе предполагает возможность совокупности при составных преступлениях.⁵⁶ В таком подходе к составным А. В. Наумов не одинок. О возможности совокупности при наличии составного преступления говорят Ю. Ляпунов и другие авторы.⁵⁷

Разумеется, такая позиция абсолютно неприемлема; нет ни малейшего смысла в выделении двух условно-правовых категорий: единичного и множественного преступления, чтобы здесь же сказать: одно суть другое. «Предлагая возможность квалификации по совокупности и в сложных преступлениях, авторы по существу относят их ко множественности».⁵⁸ Отрицает совокупность в составных преступлениях и Е. Прокопович.⁵⁹

⁵² Зинченко И. А. Единые (единичные) и составные преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. СПб., 2005. С. 283, 287.

⁵³ Там же. С. 285.

⁵⁴ Козлов А. П. Классификация преступлений // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. СПб., 2005. С. 115–117.

⁵⁵ Наумов А. В. Совокупность в насильственных составных преступлениях // Сов. юстиция. 1973. № 1. С. 11.

⁵⁶ Наумов А. В. Указ. соч. С. 12.

⁵⁷ Ляпунов Ю. Квалификация составных (сложных) преступлений // Социалистическая законность. 1982. № 1. С. 48. Галиакбаров Р., Ефимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права // Сов. юстиция. 1967. № 2. С. 6; Малков В. П. Множественность преступлений. С. 16–17, и др.

⁵⁸ Буровина Н., Рагимов Ф. Совокупность, сложные составы и повторность преступлений // Сов. юстиция. 1982. № 21. С. 13.

⁵⁹ Прокопович Е. Совокупность преступлений // Сов. юстиция. 1977. № 7. С. 23.

Вполне понятны причины, в силу которых многие авторы вынуждены смешивать единичные и множественные преступления: 1) они не видят разницы между единичным преступлением и диспозицией нормы, при этом особенности формирования диспозиций, позволяющие применять совокупность преступлений, автоматически переносят на единичные преступления; 2) они видят особенности диспозиции нормы, но не находят их связи с квалификацией; 3) они не имеют четкого представления о структуре составных преступлений; 4) они стремятся реализовать положение об условности любой классификации.

Несколько иначе определяет составные преступления Т. Э. Караев: «Сложным (составным) будет единое (единичное, отдельное) преступление, поглощающее ранние стадии преступной деятельности или самостоятельные преступления, являющиеся способами совершения данного преступления, а также преступление, состав которого согласно закону объединяет два или более разнородных преступлений, посягающих на разные объекты и приводящих к разнородным последствиям, но объединенных внутренним единством».⁶⁰ По сути, автор выделяет в предложенной разновидности два вида преступления: единичное простое, которое в принципе и должно охватывать собой и действия по созданию условий, и действия – способ исполнения преступления, и собственно составное преступление, выделяемое всеми иными авторами (преступления типа разбоя). В первом виде ничего сложного в единичном нет, поскольку там имеются подготовительная стадия, определенное действие, способ действия и так далее, и все это – типичное простое единичное преступление с одним действием и одним последствием. К собственно составному относится феномен, отраженный во второй части определения, которая раскрывает признаки составного: наличие двух или более разнородных преступлений, соответствующее наличие разных объектов, соответствующее наличие двух или более последствий и внутренняя взаимосвязь. Все сказанное скорее свидетельствует не о единичном, а о множественности преступлений: и несколько деяний, и несколько объектов, и несколько последствий. Несколько смущает внутреннее единство содеянного, но и оно не создает единого преступления, поскольку обусловлено лишь желанием законодателя объединить несколько преступлений в одной диспозиции нормы и не более того. В общем нельзя исключить в такой ситуации совокупность (например, грабеж плюс насилие, опасное для жизни и здоровья) с самостоятельным наказанием за каждое из преступлений; и еще не известно, что предпочтительнее в данной ситуации – самостоятельное существование разбоя или второй вариант. Как было уже решено выше, единичность преступления определяет не диспозиция нормы, а реально содеянное; здесь же реально содеянное является множественностью.

Поскольку единичное преступление по своим признакам (общественной опасности и противоправности) охватывает реально содеянное (поступок человека) и абстракцию (диспозицию нормы) и без них существовать не может, но основным остается реально содеянное как преступление, то необходимо четко уяснить, что же собой представляет составное преступление: либо это реально содеянное, либо оно – диспозиция нормы со всеми ее особенностями. Рассмотрим это на примере разбоя, под которым понимается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья либо с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ), почти все авторы относят его к составным преступлениям. Но почему? Здесь, как правило, нет двух действий, поскольку разбой осуществляется довольно часто тайно и здесь отчетливо виден сплав нападения и насилия, не случайно Г. А. Кригер писал: «Нападение при разбое, представляя внезапное насильственное воздействие на потерпевшего...».⁶¹ И хотя нельзя исключить иного, кроме насилия,

⁶⁰ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 9.

⁶¹ Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 128; см. также: Курс советского уголовного права. М., 1971. С. 329, и др.

оформления нападения (например, словесного требования передачи имущества), однако оно ничем не будет отличаться от соответствующего оформления его при грабеже, что исключает включение такового в понятие нападения, которое отсутствует при грабеже и должно включать в себя признаки, не свойственные грабежу. Именно поэтому насилие – суть нападение при разбое. Другое дело, что здесь мы имеем два последствия – физический и вторичный (цель завладения) – имущественный вред. Но на уровне реально содеянного данная особенность ничего существенного из себя не представляет (средней тяжести вред здоровью причиняют в обществе с целью отомстить, с целью показать свою удаль, с целью изъять имущество и т. д.), т. е. мы имеем обычное единичное реально совершенное деяние.

Особенности разбоя возникают на законодательном уровне, когда мы вынуждены выделять два последствия, два объекта посягательства, зачастую несуществующее нападение, только «совершенное» с применением насилия, что должно показать мнимую самостоятельность нападения и насилия – вроде бы две существующих и возможных при квалификации нормы права – например, средней тяжести вред здоровью и кража или грабеж.

Кроме того, разбой является сложным преступлением и потому, что в законе речь идет о насилии, опасном для жизни и здоровья, которое включает в себя и легкий вред здоровью, и средней тяжести вред здоровью, и тяжкий вред здоровью. Именно поэтому в реальной жизни не существует насилия, опасного для жизни и здоровья, а есть только легкий или средней тяжести, или тяжкий вред здоровью; такое насилие имеет место только в диспозиции нормы. Очевидно, что реальный поступок составляет лишь часть того, что предусмотрено нормой. Очень точно это отразил Н. С. Таганцев: «Эти случаи крайне разнообразны, но все они возникают только в силу особого постановления закона, в видах практических, и существуют только настолько, насколько они признаны законом. Поэтому с исключением из закона постановлений о таких сложных посягательствах они распадаются на свои составные элементы».⁶²

Из сказанного следует единственный вывод: особенности разбоя как составного преступления заключаются только в законодательной его формулировке, но не в конкретно содеянном. Именно поэтому проблемы составного преступления в целом – это проблемы построения и классификации *диспозиций*, но не единичного преступления, чего нельзя сказать, например, о продолжаемых или длящихся преступлениях, определяет которые специфика именно конкретно содеянного даже тогда, когда нет специально оговоренной нормы (продолжаемая кража), только при таком рассмотрении составных преступлений (точнее – составных диспозиций) мы можем понять, хотя и не оправдать, возможную при составных преступлениях квалификацию по совокупности.

В этом плане довольно точно В. В. Питецкий-младший относит анализируемый феномен к составным нормам, противопоставляемым сложным преступлениям (продолжаемым и длящимся),⁶³ хотя более точным было бы говорить не о норме как слишком широком понятии, включающем в себя и санкцию, а о составной диспозиции. Отсюда и соответствующее определение: «Составной называется норма Особенной части УК, закрепленная в рамках одной статьи или части статьи, включающая две или более другие нормы Особенной части УК, каждая из которых, взятая в отдельности, предусматривает самостоятельный состав преступления».⁶⁴

Отраженная некоторыми авторами совокупность здесь и возникает только потому, что составные преступления представляют собой идеальную совокупность;⁶⁵ иногда реальную, иногда идеальную совокупность.⁶⁶ На этом фоне сетования В. П. Малкова на то, что иногда

⁶² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. СПб., 1902. С. 1298.

⁶³ Питецкий В. В. Указ. соч. С. 6.

⁶⁴ Там же. С. 12.

⁶⁵ Ляпунов Ю. Квалификация составных (сложных) преступлений // Соц. законность. 1982. № 1. С. 48.

⁶⁶ Меткое В. П. Множественность преступлений. С. 16–17; Питецкий В. В. Указ. соч. С. 13, и др.

разграничение составных преступлений со множественными преступлениями представляет особую сложность,⁶⁷ кажутся по меньшей мере странными: нельзя разграничивать идеальную и реальную совокупность – виды множественности – от множественности, поскольку в роде (множественности) заложены все существенные специфические признаки видов (идеальной и реальной совокупности). Ведь не случайно В. П. Малков применительно к продолжаемым преступлениям указывал, что оно является единичным, а «одно преступление одновременно не может рассматриваться и как их множество».⁶⁸ Но почему-то не распространяет это правило на составные преступления, которые он же объявляет единичными.⁶⁹ А не распространяет только потому, что лишь по недоразумению причисляет их в целом к единичным преступлениям, хотя надо сказать, что отдельные реальные криминально значимые деяния, охватываемые ими, несомненно являются единичными преступлениями, однако они к *составному* характеру диспозиции не имеют никакого отношения, поскольку законодатель искусственно объединил их и создал составную диспозицию.

При этом еще нужно доказать, что составные диспозиции вполне обоснованно введены в уголовный закон. По мнению И. А. Зинченко, «изложенное позволяет заключить, что для появления в законе составного преступления нужно два обязательных условия. Во-первых, чтобы в объективной действительности сложилась та или иная типичная устойчивая форма сложной преступной деятельности и, во-вторых, чтобы именно такую деятельность законодатель закрепил (предусмотрел) в одном составе».⁷⁰

В. В. Питецкий-младший выделяет четыре причины образования в уголовном законодательстве составных норм: а) тесная взаимосвязь составов преступлений, входящих в составную норму; б) сочетание преступлений распространено и типично; в) повышенная общественная опасность такого рода актов преступного поведения; г) образование составных норм способствует процессуальной экономии.⁷¹ Здесь автор совершенно справедливо отказывается от признака обязательного закрепления составных преступлений в законе, отраженного И. А. Зинченко, поскольку он не характеризует социальную обоснованность введения составных преступлений и более широко представляет условия социальной обоснованности составных преступлений.

Тем не менее, думается, указанное обоснование мало приемлемо. Посмотрим на суть составных диспозиций. Особенностью данной диспозиции является то, что законодатель объединил в одно целое две разных диспозиции и без одной из них такое объединение перестает существовать. В целом они созданы для усиления ответственности, что особенно ярко проявляется в разбое. Если бы мы применили вместо ч. 1 ст. 162 УК максимальную совокупность преступлений (открытое хищение имущества с причинением средней тяжести вреда здоровью), то получили бы по максимуму совокупное наказание, равное семи годам лишения свободы. При применении ч. 1 ст. 162 УК в ее максимальном выражении (тот же средней тяжести вред здоровью *при отсутствующем завладении* имущества – оно объявлено лишь целью) максимальное наказание равно восьми годам лишения свободы. Как видим, незавершенное хищение наказывается в последнем варианте гораздо строже, нежели наказывалось бы завершенное, при одном и том же вреде здоровью. Правда, данная несуразность прикрыта «страшилкой» в виде «насилия, опасного для жизни и здоровья», но сущность ее от этого не меняется. Почему такое происходит? Зачем это нужно законодателю? Ответы на эти вопросы как раз и кроются в анализе оснований создания составных диспозиций.

⁶⁷ Мешков В. П. Указ. соч. С. 17.

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 16.

⁷⁰ Зинченко И. А. Указ. соч. С. 355.

⁷¹ Питецкий В. В. Указ. соч. С. 13.

Из приведенных В. В. Питецким в качестве таких оснований не годится ни тесная взаимосвязь составов преступлений, ни процессуальная экономия, поскольку на их основе нельзя ухудшать положение виновного, ответственность которого должна базироваться только на адекватном соответствии ее совершенному преступлению и личности самого виновного. Вообще, вывод В. П. Малкова, на которого опирается В. В. Питецкий, о том, что создание составных преступлений «представляется удачной находкой законодательной техники... упрощает деятельность судебно-следственных органов по применению уголовного законодательства, соответствует принципу экономии в уголовно-процессуальной деятельности»,⁷² мягко говоря, не совсем точен. Например, при разбое возникли проблемы, которые достойно не разрешены до сих пор (проблемы повышенной ответственности за незавершенное хищение, проблемы вменения результата хищения, располагающегося за пределами оконченного преступления и т. д.). Именно поэтому говорить о какой-то экономии уголовно-процессуальной деятельности при разрушении определенных основ уголовного права едва ли целесообразно. Становится ли таким основанием распространенность и типичность такого сочетания преступлений (если они имеются, в чем мы очень сомневаемся; достаточно сравнить распространенность кражи и разбоя)? Тоже нет, так как виновный не может быть поставлен в худшее положение только потому, что законодателю захотелось реализовать типичность и распространенность сочетания преступлений. Самым веским аргументом В. В. Питецкого и других ученых выступает повышенная общественная опасность содеянного, но и ее мы не видим, поскольку средней тяжести вред здоровью – он и есть средней тяжести вред здоровью, а наличие незавершенного хищения вообще ослабляет позиции повышенной опасности содеянного. Но даже если бы хищение и было завершено, то и в этом случае не видно повышения опасности поведения – завладение имуществом остается завладением. Мы здесь не ставим целью разобратся с составной диспозицией как основанием возникновения совокупности, но, похоже, вполне можно поставить под сомнение ее существование.

Таким образом, из сказанного, в первом приближении, следует вывод о невозможности отнесения составного преступления к единичным сложным; по максимуму – можно поставить проблему исключения составных диспозиций из уголовного кодекса с превращением их в обычные диспозиции. Однако теория уголовного права не желает прощаться с данным законодательным феноменом. Так, И. А. Зинченко считает, что «представляется целесообразным обсудить вопрос о возможном расширении в законе круга составных преступлений за счет создания их новых конструкций, в которых бы отразились и получили свое закрепление признаки типичных, распространенных в судебной практике сложных форм преступной деятельности. Это касается, в первую очередь, хулиганства, сопряженного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью...».⁷³ Мы не готовы согласиться с данным мнением, хотя бы потому, что уголовный закон должен быть понятен не только юристам, но и всему другому населению. Отсюда, формирование максимально простых норм, не требующих особого толкования, является основной задачей законодателя. Составные преступления, вызывающие дискуссии и по вопросам их квалификации, и по поводу назначения наказания за них, едва ли можно отнести к таковым. Мало того, автор не заметила, что с хулиганством, сопряженным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, проблемы более не существует: уже в первой редакции УК 1996 г. в ст. 111 УК введены хулиганские побуждения в качестве особого мотива совершения анализируемого вида преступления (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК), тем самым законодатель пошел по пути создания простой нормы и упрощения ситуации, а не путем создания новой составной диспозиции.

⁷² Малков В. В. Совокупность преступлений. С. 155.

⁷³ Зинченко И. А. Указ. соч. С. 369–370.

В определенной части похожее находим мы и в так называемых альтернативных преступлениях, «в основе которых лежат альтернативные действия». ⁷⁴ К таковым относят преступления, предусмотренные ст. 64, 218, 224 и другие УК РСФСР (ст. 275, 228, 222 УК РФ). Как правильно отмечает В. П. Малков, «особенностью преступлений, в основе которых лежат альтернативные действия, является то, что учинение каждого из названных в законе действий уже само по себе является достаточным для признания преступления совершенным». ⁷⁵ Это очень наглядно видно было на примере ст. 64 УК РСФСР, где изменой Родине могли быть признаны либо шпионаж, либо бегство за границу, либо отказ вернуться из-за границы, либо переход на сторону врага, либо заговор с целью захвата власти.

Однако и здесь не было ничего особенного, что выделяло бы конкретное преступление того или иного вида по сравнению с другими преступлениями других видов; они настолько же специфичны, насколько специфичны и другие преступления: специфичны по действиям, по последствиям, по мотивам, целям, вине и т. д. Специфичность их как альтернативных преступлений исходит из особенностей построения диспозиции. И правильно на это указал В. С. Прохоров: «Всякий раз, когда в диспозиции описан ряд действий (или других признаков, характеризующих преступление) и установление любого из них достаточно для признания в действиях лица состава преступления, по существу речь должна идти *об альтернативной диспозиции, содержащей несколько различных составов преступлений* (выделено нами. – А. К.)». ⁷⁶ Действительно, проблемы так называемых альтернативных преступлений – это проблемы построения и классификации диспозиции.

Не совсем точен В. С. Прохоров только в том, что в альтернативных диспозициях содержится несколько видов (составов) преступлений. Виновный может совершить все действия, перечисленные в норме права, и тем не менее совершить одно преступление. На это обратил внимание В. П. Малков: «В то же время лицо не совершает нового преступления, если оно последовательно осуществляет все перечисленные в законе действия...» ⁷⁷ И не только потому здесь одно преступление, что эти действия предусмотрены одной нормой закона, но и в связи с тем, что довольно часто они все либо их часть взаимосвязаны друг с другом. На это также обращал внимание В. П. Малков: «Эти преступления образуют *только* (выделено нами. – А. К.) такие действия, которые связаны единством намерения или иным единым субъективным отношением виновного к охраняемому объекту, причиняют ущерб одному объекту, нередко носят продолжаемый характер». ⁷⁸ Неоправданно категоричен В. П. Малков в том, что только взаимосвязанные действия образуют альтернативные диспозиции. На примере действий по измене Родине это хорошо было видно – шпионаж вовсе не связан с выдачей государственной тайны или оказанием помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям. Хотя на примере незаконного обращения с наркотическими веществами (ст. 228 УК РФ) или незаконного обращения с оружием (ст. 222 УК РФ) *подобная* взаимосвязь несколько просматривается – лицо приобретает наркосодержащие вещества, перевозит, хранит их, т. е. последовательно совершает одно преступление, состоящее из нескольких, перечисленных в ст. 228 УК, действий. Но и в данной ситуации не все действия, указанные в норме, взаимосвязаны: лицу, приобретающему наркосодержащие вещества, нет необходимости хранить их, хотя абсолютно исключить такое нельзя. То же самое относится и к изготовлению и приобретению огнестрельного оружия (ч. 1 ст. 222 УК).

⁷⁴ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 110; Семернева Н. К., Новоселов Г. П., Николаева З. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания. Свердловск, 1990. С. 9, и др.

⁷⁵ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. ПО.

⁷⁶ Курс советского уголовного права. Л., 1968. Т. 1. С. 269.

⁷⁷ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. ПО.

⁷⁸ Там же. С. 112.

Альтернативные диспозиции по своему содержанию чрезвычайно сложны и содержат множество разновидностей преступлений. 1) При наличии взаимосвязи между всеми предусмотренными данной нормой действиями и их реальном совершении возникает единое простое преступление, в котором каждое действие представляет собой отдельный этап преступления, ведущий к следующему этапу (сначала скупил наркосодержащие вещества, затем хранил, перевозил и перерабатывал их). Эти преступления представляют собой те же самые, которые выделяются в теории уголовного права как преступления с несколькими действиями (например, бывшая спекуляция). Но здесь нет сложного единичного преступления. Просто человек совершает множество телодвижений, составляющих одно преступление, при этом отдельные телодвижения лишь терминологически обособлены, тогда как в иных преступлениях такие действия носят характер создания условий или частичного исполнения преступления без специального терминологического оформления. Именно поэтому мы не готовы согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, которая предлагает признавать совершение нескольких действий из указанных в альтернативной диспозицииотягчающим обстоятельством, влияющим на наказание.⁷⁹ 2) При отсутствии взаимосвязи между отдельными указанными в норме действиями каждое из действий становится самостоятельным преступлением. Но и они не однозначны. А) Частично такие преступления носят характер единичных простых (например, приобретение оружия). Б) Иногда такие преступления представляют собой длящееся преступление (например, хранение оружия, наркосодержащих веществ). В) Довольно часто они приобретают характер продолжаемых преступлений. Благодаря указанной форме проявления некоторые авторы относят анализируемые преступления к продолжаемым преступлениям,⁸⁰ что в целом не соответствует истине. 3) В альтернативных диспозициях может быть указано несколько действий, либо несколько последствий, либо несколько видов предметов, либо несколько способов осуществления действия. Н. Ф. Кузнецова предлагает еще альтернативность по видам и формам вины, которая возможна только по одной форме вины – «умысла либо неосторожности».⁸¹ При реализации данного предложения все диспозиции в Особенной части уголовного закона превратятся в альтернативные, поскольку они формируются либо как умышленные (альтернатива прямого и косвенного умыслов?), либо как неосторожные (альтернатива легкомыслия и небрежности?), либо как умышленные и неосторожные (альтернатива прямого и косвенного умыслов, легкомыслия и небрежности?). С подобным трудно согласиться. И хотя автор пытается смягчить свою позицию путем отнесения вины к альтернативным последствиям, однако это ситуации не улучшает, поскольку а) автор говорит однозначно об альтернативности видов вины и б) вина связана не только с последствием, но и деянием, что несколько деформирует авторское представление об альтернативной вине, привязанной к альтернативным последствиям.

Четкое представление обо всех указанных видах и подвидах преступлений, охватываемых альтернативной диспозицией, их правовом значении поможет снять некоторые проблемы квалификации преступлений и исключить некоторые до сих пор бесплодные дискуссии по спорным вопросам.

Однако главный вывод из всего сказанного, важный для нас на данном этапе исследования: нет альтернативных преступлений, есть альтернативные диспозиции, которые на уровне конкретных преступлений могут приобретать различный характер.

Весьма спорны в качестве единичных сложных и преступления с повторением действий, не носящих криминального характера. Речь шла о преступлениях с административной преюдицией (например, ч. 1 ст. 166 УК РСФСР – незаконная охота). Ведь здесь не было повторности

⁷⁹ Кузнецова Н. Указ. соч. С. 29.

⁸⁰ Зинченко И. А. Указ. соч. С. 303–307 и др.

⁸¹ Кузнецова Н. Указ. соч. С. 29.

в уголовно-правовом смысле, закон говорил об одном акте незаконной охоты, которая являлась преступлением только при определенных законом оговариваемых условиях (без надлежащего разрешения и при административной преюдиции, в запрещенных местах и при административной преюдиции, в запрещенные сроки и при административной преюдиции и т. д., либо на территории заповедника без административной преюдиции и т. д.). По существу, в данной ситуации просто было выдвинуто законодателем дополнительное условие криминализации правонарушений и это ничуть не касалось конкретно содеянного, а напрямую относилось к диспозиции нормы, т. е. конкретное деяние лишь обладало спецификой, которой нет во многих других преступлениях. Однако это – нормальное явление для преступлений, потому и выделяются отдельные преступления, что каждое из них специфично как на уровне типовом (вида преступления), так и на уровне индивидуальном. В результате введения в действие нового уголовного закона административная преюдиция из уголовного кодекса исключена, и уже по одному этому обстоятельству анализируемый вид единичного сложного преступления перестал существовать.

И уж никак нельзя относить к единичным сложным собирательные (в частности, когда закон регламентировал повторность или неоднократность преступлений в качестве квалифицирующего обстоятельства) и рецидив. Думается, только по недоразумению таковые называли единичными преступлениями, поскольку в реальном деянии в подобных случаях сталкивались со множественными преступлениями (совершением нескольких единичных преступлений), связанными или не связанными с судимостью лица. Именно поэтому в названных ситуациях также имелись особенности формирования диспозиций, которые можно было назвать собирательными. Характерным для них являлось то, что они представляли собой законом оформленную множественность в более или менее широком объеме. То же самое можно сказать и о приведенном выше предложении Н. С. Таганцева признавать сложным преступную деятельность в виде промысла. И хотя вопрос действительно не простой, поскольку промысел вне всякого сомнения представляет собой множественность преступлений, но с другой стороны – максимально схож с продолжаемым преступлением, на чем мы еще остановимся ниже. Однако считаем не случайным, что в последние десятилетия господствующая позиция в теории уголовного права заключается в признании промысла разновидностью множественного преступления, с чем мы без дополнительной аргументации и согласимся, тем более, что анализ промысла нам еще предстоит. В настоящее время Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. неоднократность исключена из уголовного кодекса вообще, а судимость исключена в качестве квалифицирующего признака, что в общем вроде бы ставит крест на анализируемом виде сложных единичных преступлений. Тем не менее указанный закон не столь безупречен, в нем еще предстоит разобраться. Отсюда мы не принимаем данный вид сложных единичных не потому, что закон его исключил, а в силу иных обстоятельств, например, из-за реального существования в данном случае множественности преступлений, оформленной в одной норме. Это тем более необходимо, что, как указывалось выше, некоторые авторы признают единичными сложными преступления с необходимой неоднократностью, когда существует повторность (неоднократность, систематичность, злостность, иным образом отраженная – собирание сведений, невыплата свыше двух месяцев заработной платы) преступлений.

Таким образом, диспозиции, в которых отражены составные, альтернативные, сложные преступления единичными не являются по своей сути. Однако при этом нельзя отмахнуться от проблемы, которая возникает. Дело в том, что вне зависимости от нашего отношения к ним они сами по себе создают дополнительно множественность (совершение повторного разбоя возводит разбой в ранг множественного), что создает иллюзию признания таких преступлений единичными. В действительности же они являются «псевдоединичными», поскольку их сущностью является множественность, они сами по себе являются отраженной в законе множественностью. Именно поэтому такого вида преступления в случае их совершения повторно

можно признать множественностью отраженной в законе множественности, множественностью множественностей.

Подводя итог сказанному, во-первых, отметим, что теория уголовного права при классификации единичных сложных смешивает единичные преступления и особенности формирования диспозиций уголовно-правовых норм, нарушая тем самым правила деления понятий (деления по одному основанию – необходимо производить самостоятельное деление по характеру конкретно содеянного и по особенностям диспозиций; исключения друг друга членами деления – не следует постоянно смешивать составные с продолжаемыми, альтернативные с составными и т. д.; соразмерности деления – объем членов деления должен быть равен объему делимого понятия) и совершая формально-логическую ошибку «сбивчивого деления» и «деления с излишними членами». Во-вторых, можно отметить, что в уголовном законе сформированы диспозиции обычные, составные, альтернативные, собирательные, которые включают в себя и единичные простые, и единичные сложные, и множественные преступления. В-третьих, следует выделять только три вида единичных сложных преступлений: продолжаемые, длящиеся и с двумя последствиями.

§ 2. Виды сложных единичных преступлений

2.1. Продолжаемое преступление

Итак, одной из разновидностей единичного сложного преступления является продолжаемое преступление как специфичная конкретная преступная деятельность конкретных лиц. «Понятие продолжаемого преступления – не просто формально-юридическая конструкция, это реально существующее социальное явление, специфическая форма единичного преступления, и для него необходима определенная сумма и сочетание объективных и субъективных структурных признаков».⁸² Данное явление реального мира знакомо теории уголовного права уже сравнительно давно. Глубокий историко-логический анализ его предложил А. М. Ораздурдыев,⁸³ многое сделано в области исследования продолжаемого преступления и другими учеными.⁸⁴ Таким образом, можно сказать, что теория продолжаемого преступления в целом разработана, признаки данного вида преступления в абсолютном их большинстве раскрыты достаточно верно. Остается единственная сложная проблема – разграничение продолжаемого преступления с повторностью, которая вроде бы теоретически тоже разрешена, однако практического выхода решение найти не может, что, естественно, требует более внимательного рассмотрения признаков продолжаемого преступления. Поэтому кратко остановимся на понятии и признаках продолжаемого преступления.

Под продолжаемыми преступлениями Н. С. Таганцев понимал «преступления, которые с внешней стороны являются соединением нескольких деяний, отделенных друг от друга известными промежутками времени и заключающих, каждое порознь, полный состав данного преступления, хотя в то же время, с точки зрения выразившейся в них преступности, представляет единое целое».⁸⁵ Из данного определения ясно вытекает следующее: 1) совершается несколько деяний, разделенных во времени; 2) они каким-то образом соединены; 3) каждое из этих деяний само по себе является преступлением; 4) однако в силу соединения деяний единое целое они образуют только суммарно. При этом автор отчетливо представляет, что основным отличии-

⁸² Владимиров В., Криволапов Г. Соотношение продолжаемых и повторных преступлений//Сов. юстиция. 1974. № 19. С. 9.

⁸³ Ораздурдыев А. М. Проблемы общей части науки уголовного права. Ашхабад, 1991.

⁸⁴ Таганцев Н. С. Указ. соч.; Малков В. П. Указ. соч.; Яковлев А. М. С совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960; Панько К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988, и др.

⁸⁵ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 259.

тельным признаком продолжаемого преступления выступает субъективная сторона, единство намерений виновного.⁸⁶ Как видим, определение анализируемого вида преступления довольно расплывчато; признаки его неполно изложены, хотя суть продолжаемых преступлений отражена довольно точно.

С. Будзинский считал: «Продолжаемое преступление имеет место тогда, когда несколько деяний, имеющих каждое характер самостоятельного преступления, находятся между собой в такой тесной связи, так что они представляются как бы осуществлением одного намерения, как бы одним преступлением».⁸⁷ При этом продолжаемыми С. Будзинский признавал и виды преступлений, которые сегодня опираются на составные диспозиции («Бю для того, чтобы изнасиловать»⁸⁸), т. е. ясного представления о продолжаемом преступлении он не имел. Хотя надо признать, что он в определенной степени смог выделить некоторые признаки продолжаемого преступления: а) совершение нескольких деяний; б) каждое из них является самостоятельным преступлением; в) тесная связь между ними; г) все они совершаются с одним намерением; д) все это позволяет автору признать в данном случае наличие одного преступления. Разумеется, этого мало, поскольку на фоне сказанного автор смешивает продолжаемые преступления и составные диспозиции, однако это уже кое-что.

С несколько иных позиций подходил к определению продолжаемого преступления А. Лохвицкий: «Преступлением продолжающимся мы называем такое, которое по натуре своей продолжается во времени... каждое новое действие есть только продолжение того же деяния, зло здесь предпринимается не для одного раза, повторение составляет существенный элемент преступления».⁸⁹ Он отметил продолжающий во времени характер преступления, каждое новое действие есть продолжение этого же деяния, объединение действий. Напрасно автор использовал для аргументации термин «повторение», поскольку оно в то время на основе уголовного закона и большинства авторских позиций понималось как разновидность множественности с судимостью.

Примерно так же понимает продолжаемое преступление и С. В. Познышев, но он главными отличительными признаками его признает объект как собирательное целое и единство направленной на этот объект вины.⁹⁰ Здесь уже видно, что более конкретизируется субъективный признак и речь идет уже не просто о единстве намерений, а о единстве вины.

В плане определения продолжаемого преступления не отличается особой оригинальностью позиция Н. Д. Сергеевского. Неожиданным является только терминологическое оформление данного вида преступления – он называет его *длящимся*.⁹¹ Существование такого терминологического оформления только потому, что преступление имеет определенный временной интервал, едва ли оправдано. Теория уголовного права довольно однозначно разделяет продолжаемые и *длящиеся* преступления и по их сущности и по содержанию, и по характеру вины. Поэтому не оправдана изложенная выше терминологическая новелла.

В определенной части такой подход был воспринят и судебной практикой, которая стала понимать под продолжаемыми «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление».⁹² Здесь более конкретизированы признаки анализируемого вида преступле-

⁸⁶ Там же. С. 264.

⁸⁷ Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 290.

⁸⁸ Там же. С. 290.

⁸⁹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 186–187.

⁹⁰ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 638–639.

⁹¹ Сергеевский Н. Д. Пособие к лекциям. СПб., 1905. С. 314.

⁹² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 14 марта 1963 г. № 1 «Об условиях применения давности и амнистии к *длящимся* и продолжаемым преступлениям» // Сб. Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970. С. 332.

ния: преступность отдельных действий, тождественность неоднократных действий, взаимосвязь отдельных действий обусловлена общей целью, которая и превращает все разрозненные действия в единое целое. Указанное определение устроило часть теоретиков.⁹³

Однако такая конкретизация субъективного момента в продолжаемом преступлении осталась незамеченной некоторыми авторами. Так, А. А. Пионтковский считал, что «продолжаемыми преступлениями являются те преступления, которые состоят из двух или нескольких преступных действий, каждое из которых заключает в себе признаки одного и того же состава преступления и которые образуют вместе один состав преступления вследствие единства конечного преступного результата».⁹⁴ При этом автор по существу повторяет уже предложенные признаки продолжаемого преступления (неоднократность тождественных преступлений, которые образуют единое преступление), однако пытается связать неоднократные действия единым результатом.

На первый взгляд, в данной позиции нет ничего особенного, поскольку, в конечном счете, единый результат – это и есть общая цель. Однако реально между ними лежит пропасть. И это хорошо видно на тех примерах продолжаемого преступления, которые приводит А. А. Пионтковский: к ним он относит побои, хулиганство, обвешивание и обмеривание,⁹⁵ систематические хищения, причинившие в совокупности крупный ущерб.⁹⁶ Здесь в полной мере проявляется некорректность предложения. Если говорить о побоях, то и пять актов побоев, и десять актов побоев – все будут побои. Где же здесь единый результат, при скольких актах побоев он будет? Или от количества актов побоев это не зависит? Тогда от чего зависит? По мнению некоторых авторов, рассматривающих продолжаемое преступление и признающих в качестве такового истязание (ст. 117 УК), «нанесение побоев квалифицируется по ст. 116 УК. Повторное нанесение побоев квалифицируется по ст. 116 УК, но с учетом при назначении наказания п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ – неоднократно. При нанесении побоев в третий раз содеянное квалифицируется по ст. 117 УК РФ как единое преступление».⁹⁷ И это пишут авторы, которые в целом верно понимают продолжаемое преступление и его признаки. Мало того, они абсолютно правильно считают, что до момента совершения последнего из действий, составляющих продолжаемое преступление, можно говорить только о покушении,⁹⁸ т. е. даже совершенное одно преступление в виде побоев при наличии признаков продолжаемого преступления может быть признано покушением на истязание, но не побоями. Отсюда приведенное предложение о квалификации истязания противоречит собственным авторским рассуждениям о признаках продолжаемого преступления и является абсолютно неприемлемым.

Наверное, и побои, и обвешивание, и обмеривание (как и другие виды преступления) могли быть продолжаемыми, но только при определенных условиях. Каких? Особенно неприемлемым выглядит сам факт совокупного крупного ущерба как свидетельство продолжаемого преступления. Как правильно пишет В. П. Малков, критикуя позицию А. И. Санталова, «понимание продолжаемого преступления не может быть различным применительно к хищениям социалистического имущества, с одной стороны, и относительно иных преступлений – с другой стороны».⁹⁹ Коль скоро это так, давайте посмотрим на систематическое причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, не носящее характера мучений или истязаний, когда мы механически не можем сложить несколько результатов в один результат, что вполне возможно при хищениях. Исходя из позиции А. А. Пионтковского, и систематическое причинение

⁹³ Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 185.

⁹⁴ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 633.

⁹⁵ Там же. С. 634.

⁹⁶ Там же. С. 638.

⁹⁷ Качурин Д. В., Дедюкина И. С. Единичное преступление // Следователь. 1999. № 4. С. 4.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 118.

физического вреда должно быть признано продолжаемым преступлением. Однако такое возможно лишь при определенных условиях, при наличии существенных признаков продолжаемого преступления. Это же в полной мере относится и к хищениям. Не случайно в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» с последующими изменениями и дополнениями от 21 сентября 1977 г., 27 ноября 1981 г., 26 апреля 1984 г. указанное было четко отражено: «Действия лица, совершившего несколько хищений государственного и общественного имущества, причинившие в общей сложности ущерб в крупном размере, должны квалифицироваться по статьям об ответственности за хищение в крупном размере, если они совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере»,¹⁰⁰ т. е. не сам по себе результат, а направленность умысла на него является определяющей в данной ситуации.

Это же единство умысла, наряду с общей целью, введено данным постановлением и в определение продолжаемого преступления.¹⁰¹ В результате мы получаем несколько признаков продолжаемого преступления: а) совершается несколько самостоятельных действий; б) они носят тождественный характер; в) преступные действия связаны общей целью; г) они охватываются единым умыслом; д) составляют поэтому единое преступление. В пределах данных признаков и дают в целом определения почти все авторы с теми или иными отклонениями от них. Так, В. П. Малков утверждает, что отдельные акты (деяния), входящие в продолжаемое преступление, «представляют из себя этапы, звенья продолжения одного и того же преступного деяния».¹⁰² Думается, В. П. Малков и некоторые другие авторы правы, так как благодаря такому подходу мы и получаем внутреннюю взаимосвязанность отдельных действий между собой, их функциональную связь, которая обусловлена несколькими факторами. «Тесная внутренняя связь между отдельными преступными актами продолжаемого преступления, их внутреннее единство проявляется в том, что каждый из них представляет собой лишь необходимое звено единого целого. Неразрывная взаимосвязь между отдельными деяниями, из которых складывается продолжаемое преступление, проявляется в направленности каждого из них на один и тот же объект, в сходстве способов совершения, в единстве наступивших последствий».¹⁰³

Естественно, что функциональная связь должна быть подтверждена субъективной связью. А вот с субъективной стороной все гораздо сложнее: указание на единство умысла и общую цель, субъективно связывающие все совершенные деяния в одно целое, лишь намечает основные отличительные признаки. Однако и они на обобщенном уровне не разрешают сущности продолжаемого преступления, и на таком уровне пока невозможно разграничить продолжаемое и множественное преступление. Можно привести массу примеров, как сторонники необходимости установления продолжаемого преступления через единый умысел и общую цель на практическом уровне постоянно смешивают продолжаемое преступление и множественное.

Так, Ю. Мельникова и Н. Алиев, включая субъективный момент в сущность продолжаемого преступления, приводят два абсолютно одинаковых по своей сущности примера, различающихся лишь суммами похищенного (в одном случае – в значительном размере, в другом – мелкие хищения), но в первом признают повторное преступление, а во втором – продолжаемое, соглашаясь с решениями Верховного Суда РСФСР.¹⁰⁴ В. П. Малков в подтверждение выводов о продолжаемом преступлении приводит пример с обманом оформлением пенсии

¹⁰⁰ Постатейный материал к Уголовному кодексу. М., 1987. С. 265.

¹⁰¹ Там же. С. 264.

¹⁰² Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 116; см. также: Владимиров В., Криволапов Г. Соотношение продолжаемых и повторных преступлений // Сов. юстиция. 1974. № 19. С. 9.

¹⁰³ Владимиров В., Криволапов Г. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁴ Мельникова Ю., Алиев Н. Понятие множественности преступлений // Сов. юстиция. 1981. № 12. С. 23.

и получением ее в течение 7 месяцев с присвоением соответствующей суммы и соглашается с решением Президиума областного суда, в котором анализируемая ситуация рассматривается как продолжаемое преступление. Позволительно спросить: почему здесь продолжаемое преступление, а не промысел? Или областной суд не знал такого вида множественности, отраженного в уголовном законе? Но В. П. Малков знал о промысле и, тем не менее, анализировать разграничение не стал, и все потому, что на общем уровне все приведенные примеры не позволяют разграничить продолжаемое преступление и промысел; необходимо сузить признаки продолжаемого преступления, хотя бы наиболее существенные из них.

Поскольку объективные признаки продолжаемого преступления (наличие нескольких действий, тождественность их, общность результата и т. д.) не могут быть более конкретизированы, необходимо конкретизировать по возможности субъективные признаки, чтобы найти тот, хотя бы единственный, который свойствен только и только продолжаемому преступлению. В теории уголовного права такие попытки уже предприняты. «Продолжаемое преступление складывается из отдельных одноплановых актов с единым преступным намерением в достижении *заранее поставленной цели* (выделено нами. – А. К.)».¹⁰⁵ И в этом плане авторы абсолютно правы: общая цель, связывающая все совершенные деяния в единое целое, прежде всего, характеризуется тем, что она заранее поставлена, т. е. виновный понимал еще до первого телодвижения, что он должен совершить несколько действий для достижения одного нужного ему результата. Разумеется, любая цель заранее поставлена, и специфика продолжаемого преступления заключается в том, что здесь заранее ставится *общая* цель. Однако и данная коррекция признака лишь приближает исследователя к решению проблемы, но окончательно вопроса не решает.

И указанные авторы пытаются усилить конкретизацию признака: при продолжаемом хищении требуется наличие единого умысла, «направленного на завладение имуществом в *более или менее определенном размере* (выделено нами. – А. К.)».¹⁰⁶ Авторы правильно нащупывают дорожку к решению проблемы: размер должен быть определен. Применительно к цели (ведь размер – это цель виновного) данный фактор означает, что цель не только заранее поставлена, но и определена. Недостатком авторской позиции является то, что они говорят об относительно («более или менее») определенном размере; такое понимание последствия и общей цели ничего не изменяет в понимании того и другого и в целом – продолжаемого преступления, поскольку и в такой ситуации остаются возможными как продолжаемое преступление, так и промысел.

Более точны в этом отношении другие авторы. По мнению З. А. Вышинской, продолжаемое хищение имеет место в том случае, «когда установлено, что умысел виновного, неоднократно совершающего хищение из одного источника, был направлен на преступное изъятие и завладение каким-нибудь заранее им определенным имуществом или его частью, но изымалось оно виновным по частям».¹⁰⁷ А. Васецов пишет, что в продолжаемом преступлении все совершаемые деяния «имеют определенную цель».¹⁰⁸ Действительно, определенность общей цели максимально приближает нас к решению проблемы продолжаемого преступления, хотя полностью не разрешает проблемы, поскольку жить как можно дольше за преступный счет – это тоже определенная цель, но она вовсе не характеризует продолжаемое преступление; на этом-то и спотыкается большинство авторов при анализе практики. Следовательно, нужно еще больше конкретизировать общую цель.

¹⁰⁵ Владимиров В., Криволапов Г. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Вышинская З. А. Судебная практика по делам о хищениях имущества в колхозах и совхозах // Научный комментарий судебной практики по гражданским и уголовным делам. М., 1962. С. 181.

¹⁰⁸ Васецов А. Квалификация повторных преступных посягательств на социалистическую и личную собственность // Сов. юстиция. 1983. № 3. С. 10.

Похоже, и в этом направлении теория уголовного права достигла абсолютного результата. В. И. Плохова считает, что наличие единого умысла на изъятие имущества в конкретно-определенных размерах составляет неотъемлемый признак продолжаемого хищения.¹⁰⁹ И эта идея в дальнейшем получила развитие. «Решающее значение для признания хищения продолжаемым имеет наличие у виновного единого умысла, направленного на незаконное изъятие и завладение социалистическим имуществом *вполне определенного размера, объема, стоимости* (выделено нами. – А. К.)».¹¹⁰ «Неоднократные тождественные деяния при продолжаемых преступлениях должны быть направлены на один и тот же объект, конкретизируемый предметом посягательства».¹¹¹ Авторы абсолютно правы: конкретизация конечного результата (конкретизация размера, конкретизация объема, конкретизация стоимости и т. д.) и общей цели, точное их определение имеет решающее значение в деле определения продолжаемого преступления; именно она позволяет абсолютно точно установить продолжаемое преступление. Однако, как видим, позиции авторов расходятся: некоторые пишут о конкретизации объекта и предмета, а некоторые – о конкретизации цели. Вроде бы в этом нет никакого противоречия, поскольку конкретизированный объект и выступает в качестве цели. Но на самом деле главным признаком продолжаемого преступления является общая цель, ведь при неоконченном продолжаемом предмет как таковой еще отсутствует, он представляет собой пока модель будущего результата, является пока общей целью. Общая цель характеризует и оконченное продолжаемое преступление. Именно поэтому только *конкретизированная общая цель* – признак продолжаемого преступления.

В приведенных выше высказываниях криминалистов по определению продолжаемого преступления видна широкая палитра мнений относительно включаемых в него признаков. Поэтому нужно по возможности жестко ограничить круг признаков, вводимых в определение. Коль скоро эти признаки должны быть существенными, а в свою очередь существенными мы можем назвать только те признаки, которые свойственны лишь данному явлению и помогают отграничить его от смежных с ним явлений, признаками продолжаемого преступления мы должны признать те свойства, которые отличают продолжаемые преступления от единичного простого, с одной стороны, и от множественного – с другой. При этом нет необходимости повторять те общие существенные признаки, которые заложены в определение единичных преступлений вообще: так, нет смысла выделять в определении продолжаемого преступления единство объекта (именно одного объекта, а не собирательного – целого, как считали С. В. Познышев и другие); правильно полагают Ю. Мельникова и Н. Алиев, что продолжаемое преступление посягает на одну группу общественных отношений,¹¹² однако этим они и отличаются от единичных простых. Нет смысла указывать в определении на единый результат как реализацию общей цели.

Неоправданным было бы указание и на кратковременность разрыва между отдельными актами, составляющими продолжаемое преступление, на чем настаивают некоторые авторы.¹¹³ Тем более, что сами сторонники критикуемой позиции скептически относятся к возможности установления, хотя бы ориентировочно, кратковременности разрыва.¹¹⁴ Продолжаемый характер преступления не изменится от того, что между отдельными актами прошел довольно длительный срок (недели, месяцы, годы), если к тому времени не возникли уголовно-правовые

¹⁰⁹ Плохова В. И. О продолжаемых хищениях, совершаемых в форме присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением // Эффективность уголовного права на современном этапе. Вып. 54. Свердловск, 1977. С. 147.

¹¹⁰ Кремнев К., Миненок М. Квалификация продолжаемых и повторных хищений // Сов. юстиция. 1990. № 10. С. 9.

¹¹¹ Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Рос. юстиция. 1995. № 11. С. 36.

¹¹² Мельникова Ю., Алиев Н. Указ. соч. С. 23.

¹¹³ Квашиш В., Крутов Ю. Некоторые вопросы квалификации продолжаемых преступлений // Сов. юстиция. 1966. № 12. С. 16 и др.

¹¹⁴ Чернов В. К определению продолжаемого преступления // Сов. юстиция. 1971. № 23. С. 6.

и уголовно-процессуальные препятствия и не исчезла криминальная целесообразность к установлению продолжаемого преступления. Например, убийство двух или более лиц, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК, представляющее в определенной своей части продолжаемое преступление, останется таковым при указанных условиях вне зависимости от срока совершения второго убийства.

Думается, едва ли приемлемо введение в определение продолжаемого преступления единства источника совершения преступления, из чего традиционно исходит теория уголовного права.¹¹⁵ Продолжаемое преступление со всеми существенными признаками не исчезнет и не перерастет в повторное при совершении отдельных актов, в него входящих, в различных местах, из различных источников. Источник вообще не является основополагающим признаком для продолжаемых преступлений, поскольку есть такие из них, в которых источника вообще нет (продолжаемые убийства), и место совершения преступления ни малейшего значения не имеет. Мы не должны забывать, что продолжаемое преступление – универсальное общеуголовное явление, оно не может быть различным при хищениях или других видах преступлений.

Мало того, попытки привязать продолжаемые преступления к какой-либо группе преступлений с недостаточно четким определением анализируемого вида преступления обычно трудно признать позитивными. Так, В. И. Тюнин анализирует возможность «привязки» продолжаемых преступлений к сфере экономической деятельности и предлагает следующее определение его: «К числу «продолжаемых» могут быть отнесены те из них, которые характеризуются активными действиями, совершаются в течение определенного, иногда продолжительного периода до момента наступления результата, закрепленного в законе».¹¹⁶ Хочется спросить: и это полное определение продолжаемого преступления? Абсолютно непонятно, как можно анализировать какое-либо явление применительно к закону, не имея четких представлений о признаках данного явления.

К существенным признакам продолжаемого преступления нужно отнести следующие. Во-первых, в отличие от единичного простого преступления, где одномоментное или многомоментное деяние представляет собой один акт поведения, в продолжаемом преступлении соответственно существует несколько актов поведения, каждый из которых являет собой одномоментное или многомоментное деяние. С этих позиций мало приемлемо предложение И. Кливера, который считает возможным продолжаемое преступление с одним действием (подлог документов и постоянное получение пенсии).¹¹⁷ Прежде всего, автор забывает, что здесь все-таки несколько действий, поскольку каждый акт получения денег – самостоятельное незаконное действие; подлог документов при этом является другого рода действием – способом получения возможности для незаконного получения денег, т. е. в любом варианте здесь множество действий (подлог документов и получение пенсий; неоднократное получение пенсии). Признать содеянное одним действием – значит необоснованно уйти от решения проблемы соотношения продолжаемого преступления и неоднократной преступной деятельности (промысла). Кроме того, если встать на позиции автора и согласиться с тем, что возможно одно действие с причинением нескольких последствий, то и в этой ситуации остается непонятным, почему такое преступление считается продолжаемым. Ведь здесь опять-таки встает проблема соотношения продолжаемого и с двумя последствиями преступлений как разновидностей единичного сложного преступления. При этом в теории возникает две проблемы: 1) должны ли

¹¹⁵ См.: *Квашин В., Крутов Ю.* Указ. соч. С. 16 и др.

¹¹⁶ *Тюнин В. И.* О «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал российского права. 2001. № 1. С. 48.

¹¹⁷ *Кливер И.* Разграничение продолжаемых и повторных преступлений // Сов. юстиция. 1979. № 5. С. 52.

эти акты являться тождественными и 2) представляет ли каждый из актов самостоятельное преступление или нет.

Первая проблема большинством ученых разрешается в пользу тождественности совершаемых актов. Однако высказана и другая позиция: «Под продолжаемым преступлением, по нашему мнению, следует понимать совершение тождественных или однородных поступков»,¹¹⁸ также подвергшаяся, в свою очередь, критике.¹¹⁹ Представленная точка зрения содержит спорные и непонятные моменты: а) в плане однородности спорна позиция Т. Э. Караева, который считает однородными хищения в значительных размерах и мелкие хищения,¹²⁰ так как нет такого преступления – хищение, а есть кражи, грабежи и т. д.; на этом фоне грабежи в значительных размерах и грабежи – мелкое хищение – суть тождественные преступления; б) не ясно, до какой степени однородности может дойти продолжаемое преступление, ведь кража, грабеж, разбой, присвоение – однородные преступления. Но с позиции существующей теории уголовного права не означает, что поэтапное совершение данных видов преступлений с общей целью и единым умыслом создает продолжаемое преступление, на это обращает внимание и сам автор, говоря о единстве способа и объекта посягательства в продолжаемом преступлении;¹²¹ однако при исключении различных способов и различных объектов из определения продолжаемого преступления не может идти речи об однородности, а следует всегда говорить о тождественности посягательств.

Главная сложность как раз и заключается в том, что объективно вполне возможно совершение нескольких преступлений с единым умыслом и общей целью, но при этом частично преступления совершаются одним способом (тайное хищение), а частично – другим (открытое хищение). Как быть в таких ситуациях? Признаем мы это продолжаемым преступлением или нет: направленность поведения виновного на единое преступление очевидна, но в силу возникающих проблем квалификации теория уголовного права не признает здесь продолжаемого преступления. Скорее всего, в подобной ситуации также вполне допустимо признание содеянного продолжаемым преступлением; в противном случае возникает еще одна категория преступлений, которая по своим основным объективным и субъективным свойствам совпадает с продолжаемым преступлением, но из-за способа не может быть признана таковым, как не может быть признана и множественностью преступлений, поскольку совокупность объективных и субъективных признаков (кроме способа) не позволяет этого. Для того чтобы избежать «рождения уродца», необходимо согласиться с позицией Т. Э. Караева и признать возможным наличие продолжаемого преступления как при *тождественных, так и при однородных* преступных актах, тем самым решив проблему их квалификации.

Что касается второй проблемы, то здесь можно выделить в теории уголовного права три основные концепции: 1) каждый из актов, составляющих продолжаемое преступление, является самостоятельным преступлением;¹²² 2) каждый отдельный такой акт не является самостоятельным преступлением¹²³ и 3) каждый акт может быть как преступным, так и не преступным.¹²⁴ Здесь мы склонны поддержать две позиции (первую и последнюю), поскольку не считаем их взаимоисключающими, но с некоторым дополнением: действия, составляющие продолжаемое преступление, могут быть не преступными, но обязательно должны быть правонарушением и отвечать всем признакам правонарушения: являться общественно опасными, противоправными и виновными. В противном случае возникнут такие противоречия в действующем праве,

¹¹⁸ Караев Т. Э. Повторность преступления. М., 1983. С. 10; Кузнецова Н. Указ. соч. С. 32.

¹¹⁹ Панько К. А. Указ. соч. С. 26.

¹²⁰ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 79.

¹²¹ Там же. С. 80.

¹²² Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 259; Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 633 и др.

¹²³ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 116 и др.

¹²⁴ Караев Т. Э. Указ. соч. С. 10, 81 и др.

разрешить которые будет весьма сложно. Рассмотрим пример, приведенный Т. Э. Караевым, якобы доказывающий непреступность отдельного акта: систематический вынос из цеха завода в разное время незначительных по своей стоимости отдельных деталей телевизора, в общей сложности образующий хищения в значительном размере.¹²⁵ Предложенные автором факты еще не доказывают наличие продолжаемого преступления, они в равной мере относятся и к повторным преступлениям. Даже если автор опустил существенные признаки продолжаемого преступления и здесь оно присутствует, едва ли можно было признать отдельные незначительные хищения непреступными. По существу, в комментируемом случае мы сталкиваемся со спорным отражением в законе малозначительного деяния, когда формально подпадающее под признаки преступления поведение в силу малозначительности не является общественно опасным (ч. 2 ст. 14 УК). Не будем останавливаться на приемлемости вообще малозначительного деяния с точки зрения общей системы неприменения санкции в уголовном праве, так как данная проблема требует отдельного рассмотрения.¹²⁶ Остановимся только на том, что, по мнению Т. Э. Караева, такое деяние не является преступлением в силу отсутствия общественной опасности. Возьмем для примера мелкое хищение. На момент написания Т. Э. Караевым его работы оно признавалось преступлением и отдельно оформлялось в законе (ст. 96 УК РСФСР), потому что любое хищение от одной копейки и выше представляло собой общественно опасное противоправное деяние; и минимальный предел похищенного как предел криминально значимой общественной опасности в ст. 96 УК РСФСР не был предусмотрен, значит, и хищение одной копейки – общественно опасное, противоправное деяние – преступление. Но если это так, то в указанном интервале между одной копеей и максимальным пределом мелкого хищения любое хищение было и общественно опасным, и противоправным, а следовательно, преступным. Именно поэтому все подобные деяния составляли продолжаемое преступление. Созданное законодателем в ч. 2 ст. 7 УК РСФСР противоречие, при котором объявлялось не опасным деяние, опасное с позиций нормы Особенной части, необходимо было ликвидировать, хотя нельзя было исключить вообще изъятие ч. 2 ст. 7 УК РСФСР из уголовного закона. И законодатель в УК 1996 г. эту проблему вроде бы решил – вывел мелкое хищение за пределы уголовного кодекса, превратив его в административный проступок (ст. 7.27 Кодекса об административных правонарушениях). Сегодня хищение на сумму до одной тысячи рублей считается административным проступком.¹²⁷ Соответственно, отсутствие административной преюдиции в уголовном праве, перевод некоторой части правонарушений из преступных в административные проступки, конечно же, требуют изменения в подходах к продолжаемому преступлению. Следует признать, что часть деяний, составляющих продолжаемое преступление (при мелком хищении), должна быть признана проступком и соответственно выведена за пределы продолжаемого преступления. Но такое решение наталкивается на очередную проблему: например, общая цель, единый умысел виновного направлены на завладение телевизором, но поскольку только часть всех деяний, составляющих продолжаемое преступление, объявлена преступной, виновному может быть вменена только эта часть продолжаемого преступления. Соответственно, стоимость похищенного будет ограничена только преступной частью и отвечать в уголовном судопроизводстве виновный будет не за хищение телевизора, а за хищение его определенных частей в их суммарном выражении. Вполне понятно, что в таком случае будут ущемлены имущественные права собственника, которому глубоко безразлично, в какой форме изъято имущество – преступления или административного проступка. Но и это еще не все. Можно предположить ситуацию, когда из всех деяний, составляющих

¹²⁵ Там же. С. 81.

¹²⁶ Подробнее см.: Козлов А. П. Понятие преступления. С. 766–771.

¹²⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3.5 и 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 16 мая 2008 г. № 74-ФЗ // Российская газета. 2008. № 106. 20 мая.

«продолжаемое преступление», только одно может быть объявлено преступным и только оно может быть вменено виновному. В таком случае, несмотря на наличие общей цели, единого умысла, взаимосвязанности действий и других признаков продолжаемого преступления, его не станет. Его не будет ни как продолжаемого преступления, ни в качестве продолжаемого административного проступка. Очевидно, что новые изменения в законодательстве породили правового монстра, правовая природа и правовые последствия которого абсолютно не понятны. Что делать с этим монстром? И дело здесь не в том, чтобы любыми путями сохранять идею продолжаемого преступления. Что делать с квалификацией содеянного в реальном мире, когда мы имеем систему взаимосвязанных действий, направленных на один конкретизированный результат, объединенных общей целью и единым умыслом, в условиях отсутствия административной преюдиции в уголовном праве, когда одни из них – административные проступки, а другие – преступления? Выходов несколько: а) вернуть из административного в «лоно» уголовного права те правонарушения, которые создают или могут создать указанного монстра; б) не принимать во внимание наличие признаков продолжаемого преступления и рассматривать отдельно каждое из совершенных действий по их принадлежности – и с позиций административного, и с позиций уголовного права; в) признать возможным введение в структуру продолжаемого преступления некриминальных правонарушений.¹²⁸

Первый выход не очень приемлем, поскольку он повлечет за собой такое количество изменений в УК, УПК и УИК, что изменения от 8 декабря 2003 г. покажутся легкой разминкой. Подкупает своей простотой второй вариант, когда мы можем забыть о продолжаемом преступлении, всецело поддержать законность и рассматривать каждое из действий по соответствующему закону: административные проступки – по КоАП; преступления – по УК. Но при этом мы можем ухудшить положение виновного, поскольку исключение продолжаемого преступления повлечет за собой возникновение на его базе единичных простых и, соответственно, квалификации и назначения наказания по совокупности преступлений, чего правосудие не может себе позволить при наличии единичного продолжаемого. Не безупречен и третий вариант, так как при его реализации возникнет проблема допустимого объема непроступных действий в структуре продолжаемого преступления (если из всех действий, составляющих продолжаемое преступление, только одно является преступлением, возможно ли продолжаемое преступление?). Кроме того, здесь возникает еще одна проблема – уголовной ответственности за административные проступки, что явно нарушает принцип законности. Как видим, куда ни кинь – везде клин. Нужно избрать такой вариант решения проблем, в котором содержался бы наименьший негативный аспект. С этих позиций, на наш взгляд, лучше всего выбрать третий вариант. Но при этом следует его подкорректировать, чтобы исключить указанные негативные последствия его применения, т. е. сохранить единичность преступления и исключить нарушение принципа законности. На наш взгляд, этого можно достичь только одним путем – ввести в теорию уголовного права понятие «частично криминальное продолжаемое преступление», что позволит нам, во-первых, иметь дело с единичным преступлением и при квалификации, и при назначении наказания; во-вторых, снижать наказание в соответствии с некриминальной частью содеянного; в-третьих, вводить административное наказание за соответствующие действия, входящие в структуру продолжаемого преступления; в-четвертых, назначать общее наказание по совокупности уголовного и административного наказания.

К существенным признакам продолжаемого преступления относится наличие *нескольких последствий*, которое также разграничивает единичное простое и продолжаемое преступление. Под последствиями в данной ситуации следует понимать любой (материальный, моральный, политический) вред, который обязательно возникает при посягательстве на общественные отношения.

¹²⁸ Становский М. Указ. соч. С. 36.

Специфическим для продолжаемого преступления является наличие *единого умысла*, связывающего отдельные преступные акты в одно единичное преступление. В продолжаемом преступлении единство умыслов означает, что виновный осознает общественно опасный характер своих совокупных действий, понимает необходимость достижения результата только путем поэтапного совершения действий и через частичные отдельные результаты осознает развитие объективной (причинной или обуславливающе-опосредованной) связи между отдельными деяниями и отдельными результатами, между отдельными актами и общим результатом, желает достижения каждого в отдельности результата и общего результата. Эту сложную структуру единого умысла и нужно в каждом конкретном деле доказывать. Таким образом, в продолжаемом преступлении речь идет о едином прямом умисле.

Однако в теории высказана и уточняющая точка зрения: продолжаемое преступление возможно и при неопределенном (неконкретизированном) умисле.¹²⁹ Возникает странная ситуация: буквально на этой же странице своей работы К. Кремнев и М. Миненок всерьез, добросовестно и весьма обоснованно доказывали, что только конкретизированный результат имеет решающее значение для признания преступления продолжаемым; благодаря этому авторы нашли четкий, ясный признак, однозначно отличающий продолжаемое преступление от повторного. Кажется, можно пожинать плоды подобного и не подстраиваться под практику, которая несовершенна, а диктовать ей свои условия, тем более что они вполне приемлемы и, мы бы сказали, абсолютно верны. Однако авторы пошли по другому пути – ревизии собственного правила в расчете на негодную практику. По существу авторы, выработав недвусмысленный критерий разграничения продолжаемого и повторного преступления, здесь же его и «похоронили», признав неопределенный умисел при продолжаемом преступлении и выбросив из структуры существенных признаков продолжаемого преступления не только единый умисел, но и общую цель, что привело к абсолютной невозможности последующего разграничения продолжаемого и повторного преступлений.

Все сказанное в полной мере относится и к преступлениям, совершаемым с косвенным умыслом или неосторожно. В теории уголовного права уже давно высказывается точка зрения о том, что продолжаемое преступление возможно и в неосторожных преступлениях.¹³⁰ Данная позиция уже подвергалась критике, поскольку в таких случаях отсутствует единство намерений.¹³¹ Однако Т. Э. Караев, понимая это,¹³² тем не менее выделяет в качестве продолжаемых неосторожные преступления. Примеры с загрязнением моря преступно-небрежным использованием техники и другие, приведенные Т. Э. Караевым, не убеждают в его правоте. Рассмотрим ситуацию с загрязнением водоемов и воздуха.

Загрязнение водоемов может быть осуществлено как с прямым умыслом, так и с косвенным умыслом либо неосторожно.¹³³ При совершении его с прямым умыслом вполне возможно наличие продолжаемого преступления, и на этом уровне Т. Э. Караев прав, признавая возможным наличие продолжаемого преступления в указанном виде преступления. Однако такие преступления данного вида крайне редки, и речь идет не о них, а об остальных, на которых мы и остановимся. Загрязнение приобретает правовое значение лишь после того, когда оно выходит за пределы санитарных норм. При этом уже малейший выход за пределы данных норм есть правонарушение. Преступлением становится не любое загрязнение, а лишь такое, которое

¹²⁹ Кремнев К. Миненок М. Указ. соч. С. 9; см. также: Кливер И. Разграничение продолжаемых и повторных преступлений // Сов. юстиция. 1979. № 5. С. 52; Ораздурдыев А. М. Указ. соч. С. 63; Кузнецова Н. Указ. соч. С. 32, и др.

¹³⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 264; Караев Т. Э. Указ. соч. С. 82, и др.

¹³¹ Криволапов Г. Г. Рецензия на работу Т. Э. Караева «Повторность преступлений». М., 1983 // Правоведение. 1985. № 3. С. 119.

¹³² Караев Т. Э. Указ. соч. С. 82.

¹³³ Повелицына Н. Ф. Уголовно-правовая охрана природы в СССР. М., 1981. С. 34; Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 6. С. 434; Курс советского уголовного права. Л., 1981. С. 191.

существенно выходит за пределы санитарных норм, т. е. любое существенное нарушение указанных норм объявляется преступлением. Однако и существенное нарушение неоднозначно, поскольку есть какой-то минимум существенности и максимум ее. И интервал между ними может быть достаточно большим. Так что же признавать здесь единым результатом? Какое существенное загрязнение окружающей среды следует признавать единым результатом: минимальное, в рамках интервала или максимальное? Ответ может быть только один: любое загрязнение (и минимальное, и в рамках интервала, и максимальное) в равной мере будет признаваться оконченным преступлением в конкретных случаях, что свидетельствует об отсутствии единого результата. Кроме того, по достижении преступного результата продолжаемое преступление прекращает свое существование. Загрязнение же окружающей среды не прекращает своего существования ни при минимальном, ни даже при максимальном загрязнении (скажем, при уничтожении биологической жизни в каком-либо озере), загрязнение будет длиться и далее, до тех пор, пока не будет уничтожен источник загрязнения. И это также свидетельствует о невозможности признать загрязнение продолжаемым преступлением. Анализ других видов преступлений из приведенных Т. Э. Караевым показывает то же самое – невозможность существования продолжаемого преступления при наличии косвенного умысла или неосторожности.

Кроме того, необходимо помнить, что при косвенном умысле и при неосторожности мы сталкиваемся с побочным, ненужным виновному результатом, желаемый результат располагается за пределами содеянного с косвенным умыслом или неосторожно. Поэтому трудно представить себе, что действия, направленные на желаемый результат даже при их систематичности, обязательно влекут и соответственный побочный результат, совокупность которых дает единый результат. Ведь довольно часто слишком случайна связь между желаемой деятельностью и побочным результатом, чтобы они приобретали соответственно адекватный характер. Нам непонятно вообще, как побочная преступная деятельность может носить продолжаемый характер.

И последнее. Признание возможности существования продолжаемых преступлений, совокупных с косвенным умыслом или неосторожно, делает совершенно невозможным разграничение продолжаемого и повторного преступлений. Не случайно Т. Э. Караев даже не пытается провести данное разграничение.

Таким образом, можно констатировать, что продолжаемое преступление возможно только при наличии прямого умысла, только так мы сможем ясно и недвусмысленно отграничить продолжаемое преступление от множественного.

Существенным признаком продолжаемого преступления выступает и *конкретизированная общая цель*, которая заключается в том, что виновный заранее ставит для себя конечную цель, сознавая, что достигнуть ее можно только через сеть промежуточных целей, последовательно к ней приближаясь, и что конечная цель является синтезом промежуточных целей. При этом конечная цель максимально конкретизирована по размеру, объему, количеству, массе и т. д. в сознании виновного, он стремится именно к данной конкретной цели (собрать из похищенных деталей телевизор, купить на похищенные суммы машину и т. д.) с прекращением преступной деятельности после этого.

По мнению некоторых авторов, направленность умысла и общая цель могут быть скорректированы в сторону уменьшения или увеличения размера объема и т. д.,¹³⁴ т. е. может показаться, что авторы здесь от *вполне определенного* размера объема и т. д. ушли к *относительно определенным*, чем допустили формально-логические ошибки определения понятия – «использование взаимоисключающих признаков». Просто в такой ситуации изменяется конкретизированная общая цель, что, естественно, влечет за собой и усложнение квалификации.

¹³⁴ Кремнев К., Миненок М. Указ. соч. С. 9.

Отсюда не исключено, что деятельность виновного после окончания продолжаемого преступления – тоже существенный признак его. По крайней мере, он придаст дополнительную силу для обособления продолжаемого преступления. Установление факта прекращения преступной деятельности, думается, значительной сложности не составляет. Прежде всего о нем будет свидетельствовать достижение конкретизированной общей цели. На него правоприменитель выйдет и через показания самого виновного и других свидетелей. И, естественно, на прекращение преступной деятельности покажет временной интервал, прошедший после достижения конечной цели, скажем, более продолжительный, чем промежутки времени между отдельными актами продолжаемого преступления.

Нельзя также исключить, что виновный и после достижения конкретной общей цели будет совершать преступления, однако подобное вовсе не исключает продолжаемый характер первого преступления и свидетельствует лишь о возникновении множественности преступлений. Единый умысел и общая цель могут быть конкретизированы непосредственно в совершенном преступлении (хищение определенной суммы для определенной цели) или опосредованно (похищенное продается и пропивается, а сэкономленная заработная плата сберегается для избранной цели).

На наш взгляд, все указанные существенные признаки, постепенно выработанные теорией уголовного права, в полной мере отделяют данный класс от смежных классов. Итого и нужно включить в определение продолжаемого преступления. Итак, **продолжаемым преступлением следует признавать совершение нескольких тождественных или однородных преступных деяний, повлекших несколько последствий, объединенных единым умыслом и конкретизированной общей целью в одно преступление с прекращением после ее достижения данной преступной деятельности.** Указанное определение мы, вслед за М. Становским,¹³⁵ предлагаем ввести в Уголовный кодекс (ст. 14¹ – «Виды единичного преступления») в качестве ч. 2. Здесь же в самостоятельном пункте следует отразить *частично криминальное продолжаемое преступление*, под которым понимается **продолжаемое преступление, состоящее из криминально значимых преступных актов и административно значимых проступков.**

Как видим, теория уголовного права по крупицам собирала признаки продолжаемого преступления, и ей удалось, в конечном счете, создать точный формализованный портрет анализируемой разновидности преступления.

Очень спорны в теории уголовного права и вопросы окончания или незавершенности продолжаемого преступления.

По мнению Н. Д. Дурманова, «продолжаемое преступление оканчивается уже в момент совершения первого действия... По мере совершения новых преступных действий повторяется осуществление оконченного преступления».¹³⁶ Подобное решение проблемы окончания продолжаемого преступления абсолютно неверно и связано с непониманием сущности продолжаемого преступления. Как видно из изложенного выше материала, за прошедшие после этого десятилетия теория продолжаемого преступления в основе своей разработана на несколько ином уровне.

Продолжаемое преступление всегда характеризуется общей целью и единым умыслом. Последние же, в свою очередь, обуславливают единичность нескольких внешне самостоятельных преступных актов. Оконченным указанное преступление должно быть признано при тех условиях, когда доказано стремление преступника похитить, например, именно 15 тыс. рублей, а не 10 или 20 тыс., и именно эта сумма похищена преступником; либо довести потерпевшего до самоубийства, в результате чего потерпевший покончил с собой. К сожалению, на практике

¹³⁵ Становский М. Указ. соч. С. 36.

¹³⁶ Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., Изд-во МГУ, 1967. С. 55.

довольно часто необоснованно квалифицируют как оконченные продолжаемые преступления, ими не являющиеся. Так, Попова, работая заведующей столовой, «из выручки столовой присваивала деньги в сумме до трех рублей, брала без оплаты продукты на мелкие суммы; питалась на работе вместе с дочерью, не оплачивая стоимость обедов, т. е. присвоение имело место мелкими суммами, одним и тем же способом, что свидетельствует о едином умысле и одном продолжаемом хищении». Всего Поповой похищено продуктов и денег на сумму 163 рубля.¹³⁷ Подобная неверная квалификация базировалась на руководящих указаниях Пленума Верховного Суда СССР,¹³⁸ которые в целом правильно раскрывают сущность продолжаемого преступления, однако не аргументируют наличия единого умысла, общей цели и момента окончания указанного вида преступления применительно к конкретным обстоятельствам. К сожалению, примеры такого рода не единичны в судебной практике.

Ошибка в квалификации как раз и основана на неправильном представлении суда о моменте окончания продолжаемого преступления, определение которого тесно связано с точным пониманием единого умысла и общей цели. Вернемся к приведенному из судебной практики примеру, в котором, представляется, суд не доказал наличия единого умысла, а лишь бездоказательно констатировал его; суд не доказал наличие оконченного или неоконченного продолжаемого преступления, ведь хищение на сумму 163 рубля может быть и тем и другим. Думается, в предложенном примере вообще не было продолжаемого преступления, а было повторное мелкое хищение, так как не определены (и не могут быть определены в данной ситуации) единый умысел и конкретная общая цель, без которых невозможно четкое размежевание продолжаемого и повторного преступления.

Понимание того, что в упомянутом примере мы столкнулись с мелким хищением, помогает раскрыть подоплеку неверной квалификации приведенного случая как продолжаемого преступления: а) речь идет о мелком хищении; б) традиционно признавалось, что повторное мелкое хищение всегда остается мелким (квалифицировалось по ст. 96 УК РСФСР); в) размер похищенного более чем в три раза превышает максимальный размер мелкого хищения; г) «неудобно» признавать такое хищение повторным мелким, а считать его значимым для ст. 92 УК РСФСР можно было только путем признания хищения продолжаемым. Вот и деформировалась теория продолжаемого преступления ради достижения сиюминутных целей и для подтверждения иной условной теоретической позиции – невозможности перерастания мелкого хищения в значительное. В свою очередь, указанный подход, коль скоро он высказан Верховным Судом, становится правилом для некоторых ученых, стремящихся обосновать подобную деформацию. В результате размывание понятия продолжаемого преступления расширяется и уже не зависит от размера вреда.

На этом фоне применительно к продолжаемому преступлению в теории уголовного права сделана попытка выделить их виды. Так, предложено (косвенно) два вида продолжаемого преступления: при определенном (с наличием единого умысла и конкретного результата) и неопределенном (без единого умысла и без конкретного результата) умыслах. «В судебной практике распространены случаи, когда длительные многоэпизодные, состоящие из ряда тождественных действий хищения не охватываются единым умыслом и стремлением виновного завладеть имуществом конкретно определенного размера. Хищение продолжается до тех пор, пока расхитителя не «схватят за руку» и не разоблачат... По нашему мнению, это один из вариантов продолжаемого... преступления».¹³⁹

¹³⁷ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964–1972. М., 1974. С. 196.

¹³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 31 марта 1962 г. и от 24 июня 1968 г. // Сб. постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970. С. 413.

¹³⁹ Кремнев К., Мишенков М. Указ. соч. С. 9.

И хотя вроде бы речь здесь идет о видах умысла в продолжаемом преступлении, однако вопрос оказался намного серьезнее, поскольку здесь не только выделены два вида продолжаемого преступления, но фактически продолжаемым преступлением признана преступная деятельность в виде промысла. Авторы не первые в своем намерении, еще Н. С. Таганцев относил систематическую преступную деятельность к единичному преступлению, хотя и выделял наряду с таковым продолжаемое преступление.¹⁴⁰ Проблема может быть решена только через определение множественности, ее видов и специфики разграничений между ними. Поэтому пока мы лишь определили проблему, но решение отнесем в последующие разделы работы.

Думается, пытается выделить виды продолжаемого преступления и В. Чернов: «С точки зрения материально-правового содержания продолжаемое преступление может быть предусмотрено самой конструкцией той или иной уголовно-правовой нормы либо оно *становится таковым в результате* (выделено нами. – А. К.) оценки всех фактических обстоятельств совершенного деяния». При этом к первым автор относит преступления, предусмотренные ст. 69, 70, 120, 152, 152¹, 156, 172 и др. УК РСФСР, а ко вторым – ст. 163, 173, 174, 174¹, 206, ч. 1 ст. 117, 102 и др. УК РСФСР.¹⁴¹ Представляется, автор в этом глубоко заблуждается. Разумеется, преступления указанных видов, как и многие другие, могли быть продолжаемыми, однако нельзя даже предположить, что в выделенных преступлениях первого вида нет необходимости оценивать все фактические обстоятельства дела, чтобы установить наличие продолжаемого преступления, что они сами по себе указывают на продолжаемый характер преступления. Возьмем преступление, предусмотренное ст. 156 УК РСФСР (обман покупателей и заказчиков). В равной мере здесь возможно было наличие единого простого преступления и продолжаемого преступления, и сама по себе формулировка в законе напрямую не направляла на продолжаемое преступление. Мало того, продолжаемый характер преступления даже в указанной норме, скорее всего, крайне редок, потому что здесь вновь возникает проблема преступной деятельности в виде промысла, которая в данной норме была более актуальна, нежели проблема продолжаемого преступления. Ничем не отличается от первой группы преступлений вторая. А некоторые виды преступлений, указанные в ней, в большей мере отвечают продолжаемому преступлению (например, п. 3 ст. 102 УК РСФСР наглядно демонстрировал продолжаемое преступление). Таким образом, нет никакой необходимости выделять на основании конструкций норм особенной части разные виды продолжаемого преступления. Анализируемый вид единичного сложного преступления как категория, в первую очередь, реального мира, а не законодательная, всегда требует «оценки всех фактических обстоятельств совершенного деяния» вне зависимости от того, как оно отражено в уголовном законе – в качестве только такового или наряду с другими. По существу, автор в приведенном высказывании скорее всего и пытался (но очень неудачно) выделить особенности законодательного оформления продолжаемого преступления. На наш взгляд, продолжаемое преступление очень узкое и специфичное по своим признакам явление, которое трудно классифицировать.

Мы бы выделили лишь две разновидности продолжаемого преступления: продолжаемое, состоящее из *тождественных* преступных актов, и продолжаемое, структуру которого создают *однородные* преступные акты, потому что они требуют различной квалификации. При этом тождественность следует связывать с повторяемостью одного и того же вида преступления, а однородность – с различными видами преступления, посягающими на один основной объект, хотя в конкретном преступлении они могут быть смешиваемы.

¹⁴⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 256–257.

¹⁴¹ Чернов В. Указ. соч. С. 5.

2.2. Длительное преступление

К сложным преступлениям относятся и длительные преступления. О них сравнительно давно знает наука уголовного права. Однако сущность длительных преступлений не совсем ясна до сих пор.

По мнению Н. С. Таганцева, длительные преступления – это те, «которые, раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют, благодаря этому, как бы преступное состояние, или же уже и при первом своем совершении являются моментом такого правонарушительного состояния, длительно до наступления какого-нибудь противоположного факта».¹⁴² Автор выделяет анализируемый вид преступления по нескольким признакам: а) преступление совершается только один раз; б) оно неоднократно и непрерывно повторяется; в) непрерывность развития влечет за собой преступное состояние; г) правонарушительное состояние возникает уже в момент первого совершения преступления; д) преступление длится до наступления определенного факта. Все это создает с достаточно высокой точностью портрет длительно совершаемого преступления.

Н. Д. Сергеевский длительными преступлениями признает те, которые Н. С. Таганцев относит к продолжительным и наоборот.¹⁴³ При этом к «продолжительным» он относит те, которые характеризуются преступным состоянием.¹⁴⁴ Сказанное Н. Д. Сергеевским свидетельствует о том, что еще в начале XX в. теория уголовного права не особенно четко выделяет длительные преступления ни терминологически, ни сущностно.

Однако в дальнейшем при жестком обособлении продолжительных и длительных преступлений последнее обрело форму, предложенную Н. С. Таганцевым и другими авторами. Не случайно в Постановлении 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. длительно совершаемым преступлением было признано действие, «влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или же длительное несовершенство действий, требуемых законом под страхом уголовного преследования».¹⁴⁵ Если обратиться к признакам анализируемого вида преступления, то здесь выделены те же самые одно действие, его непрерывная осуществляемость, возникновение преступного состояния, и лишь длительное несовершенство действий не было отражено еще Н. С. Таганцевым.

В дальнейшем все авторы, исследующие длительное преступление, указывали данное Постановление, но по-разному определяли анализируемое. Так, А. А. Пионтковский считает длительное преступление таким, «где раз осуществленный состав преступления непрерывно продолжает существовать впредь до наступления обстоятельств, его устраняющих».¹⁴⁶ Как видим, с определенными уточнениями здесь остаются те же признаки длительно совершаемого преступления, которые были указаны Н. С. Таганцевым – один раз осуществленный состав, непрерывное существование состава, осуществление состава до возникновения обстоятельств, его устраняющих. В определении автор не указывает на преступное состояние как признак длительно совершаемого преступления. Хотя несколько выше он пишет: «Не являются совокупностью преступлений и те случаи, когда совершенный преступный результат все время воспроизводится и длится неопределенно долгое время впредь до прекращения такого *преступного состояния*. Это так называемое длительное преступление».¹⁴⁷ Таким образом, мы видим, что и преступное состояние остается признаком, характеризующим анализируемый вид преступления.

¹⁴² Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Вып. 2. СПб., 1878. С. 258.

¹⁴³ Сергеевский Н. Д. Пособие к лекциям. СПб., 1905. С. 314–315.

¹⁴⁴ Там же. С. 315.

¹⁴⁵ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1944–1957 гг. М., 1958. С. 75.

¹⁴⁶ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 638.

¹⁴⁷ Там же. С. 633.

Буквально через два года после издания работы А. А. Пионтковского в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1 было несколько изменено прежде действовавшее Постановление и длящимся преступлением было признано «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования».¹⁴⁸ В результате фраза «преступное состояние» исключена из определения и вместо нее введена иная фраза «с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом».

Н. Д. Дурманов, подвергая критике данное Постановление и соответствующее мнение В. Н. Кудрявцева, пишет: «Если преступление совершается путем действия, то и непрерывное совершение его уже тогда, когда оно достигло стадии оконченного преступления, и, следовательно, форма совершения измениться не может, представляет собой непрерывное продолжение того же действия... Никакой новой обязанности не нарушать запретов уголовного закона во время длящегося преступления не возникает».¹⁴⁹ И на этой основе признает длящимся преступлением непрерывное осуществление в течение известного отрезка времени состава определенного преступления на стадии оконченного преступления.¹⁵⁰

Позицию Н. Д. Дурманова поддержал В. П. Малков: «К сложным следует отнести так называемые длящиеся преступления, своеобразие которых состоит в том, что они совершаются непрерывно в течение определенного периода времени».¹⁵¹

Странную позицию по данному вопросу занял И. Б. Агаев. С одной стороны, он предлагает определение длящегося преступления, дублирующее мнение Н. Д. Дурманова: «Длящееся преступление характеризуется тем, что в отличие от продолжаемого преступления оно выражается в непрерывном осуществлении состава определенного преступления в течение длительного времени».¹⁵² Об этом же свидетельствуют и признаки длящегося преступления, выделенные автором: 1) длящееся преступление совершается в течение длительного времени; 2) длящееся преступление начинается с деяния, само по себе образующего состав оконченного преступления; 3) длящееся преступление имеет один объект посягательства; 4) деятельность субъекта длящегося преступления постоянно воспроизводит состав преступления; 5) длящееся преступление признается оконченным с момента возникновения определенных фактов.¹⁵³ Но с другой стороны, И. Б. Агаев пишет: «Лицо, совершив вначале какое-либо действие или бездействие, в течение определенного времени отказывается от выполнения обязанностей, прямо вытекающих из уголовного закона».¹⁵⁴ Данное мнение автора соответствует положениям, установленным Постановлением 1963 г. и господствующей в теории уголовного права позиции, но противоречит сказанному им же самим. Последующий отказ от выполнения обязанностей еще как-то можно привязать к первоначальному бездействию в качестве его продолжения, однако остается за рамками аргументации дополнительное невыполнение обязанностей при совершении первоначальных действий.

Такая же неопределенная позиция и у других авторов: «Под длящимся преступлением понимается действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Это такие преступления, которые характеризуются непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния (состав не просто продолжается во времени, а непрерывно

¹⁴⁸ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации). М., 1995. С. 5.

¹⁴⁹ Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 222.

¹⁵⁰ Там же. С. 221.

¹⁵¹ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 114.

¹⁵² Агаев И. Б. Проблема повторности в уголовном праве. М., 2004. С. 36.

¹⁵³ Там же. С. 39.

¹⁵⁴ Там же. С. 36.

осуществляется)».¹⁵⁵ И здесь авторы, следуя за постановлением Пленума, все смешали в одну массу. Похоже, они даже не поняли, что, раскрывая суть длящегося преступления как единичного, они, во-первых, поддержали Н. Д. Дурманова и в то же время вступили в противоречие с его позицией, что исключило ясное и точное понимание анализируемого вида преступления; а во-вторых, вместо единичного преступления получили множественность, поскольку при наличии преступления, непрерывно развивающегося во времени, как чего-то самостоятельного и возникшего при каком-то невыполнении обязанностей (бездействии) как чем-то самостоятельным должна возникать совокупность преступлений. Разумеется, в длящемся преступлении подобного быть не должно.

Таким образом, указанное Постановление в анализируемом плане стало сигналом для изменения определения длящегося преступления и теорией уголовного права в направлении исключения опасного состояния и дублирования определения, предлагаемого Пленумом.¹⁵⁶

Кроме того, в некоторых государствах постсоветского пространства в уголовные кодексы введены определения длящегося преступления. Так, ч. 4 ст. 23 УК Латвийской республики признает длящимся преступлением «непрерывное осуществление состава одного преступного деяния (действия или бездействия), связанное с последующим длительным невыполнением обязанностей, которые закон под угрозой уголовного преследования возлагает на виновное лицо». В ч. 4 ст. 32 УК Республики Узбекистан и в ч. 5 ст. 19 УК Республики Таджикистан говорится: «Не признается повторным преступление, состоящее в длительном невыполнении обязанностей, характеризующее непрерывное осуществление состава одного длящегося преступления». Это еще более подкрепило указанное теоретическое и практическое противоречие.

На этой основе определяется и специфика длящегося преступления. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, в приведенных законодательных определениях требуют уточнения только признаки «длительности» и «непрерывности» осуществления состава.¹⁵⁷ Похоже, со всем остальным она согласна.

Специфика длящегося преступления, по мнению Т. Г. Черненко, заключается в том, что, во-первых, длящееся преступление начинается с какого-либо преступного действия или акта бездействия и совершается в течение более или менее продолжительного промежутка времени; во-вторых, длящееся преступление выражается в непрерывном осуществлении оконченого состава определенного преступного деяния; в-третьих, длящееся преступление сопряжено с невыполнением возложенных на лицо обязанностей; в-четвертых, длящееся преступление заканчивается вследствие возникновения определенных обстоятельств; в-пятых, общественная опасность лица, совершившего длящееся преступление, сохраняется длительное время.¹⁵⁸ На наш взгляд, кое-что из сказанного не соответствует сущности длящегося преступления.

Очень похоже на то, что Н. С. Таганцев, Н. Д. Дурманов и их сторонники очень точно воспроизвели сущность анализируемого вида преступления. Когда мы говорим о длящемся преступлении, то имеем в виду установленное уголовным законом преступное поведение с его обязательным набором признаков, носящее характер оконченого, и в таком качестве (как оконченое преступление определенного вида без изменения его признаков) существующее длительное время – побег из-под стражи и через день, и через неделю, и через месяц, и через

¹⁵⁵ Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 185.

¹⁵⁶ Мельникова Ю., Алиев Н. Понятие множественности преступлений // Сов. юстиция. 1981. № 12. С. 23; Панько К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 28; Качурин Д. В., Дедюкина И. С. Единичное преступление // Следователь. 1999. № 4. С. 4; Яни П. Длящиеся преступления с материальным составом: к вопросу о квалификации преступного уклонения от налогов // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40; Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис... докт. юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 25–26, и др.

¹⁵⁷ Кузнецова Н. Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 31.

¹⁵⁸ Черненко Т. Г. Указ. соч. С. 26–27.

год после его осуществления будет являться побегом из-под стражи. Именно это длительное нелегальное преступное существование и создает преступное состояние. На этом фоне уголовный закон никаких иных обязанностей (например, обязательной явки бежавшего) не вменяет данному лицу и, соответственно, никакого последующего преступного бездействия не возникает. Именно поэтому изложенное в критикуемом Постановлении и во множестве теоретических точек зрения мнение о последующем длительном невыполнении возложенных законом обязанностей под угрозой уголовного преследования является не более чем декларацией, не заполненной реальностью (да, виновный не возвращается под стражу или в колонию, но он и не обязан уголовным законом туда вернуться).

Сущность же свидетельствует о том, что спецификой длящегося преступления является следующее: имеющаяся система идентичных актов поведения представляет собой одно состояние виновного. Не случайно в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» длящимся преступлением признается либо действие, «влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или же длительное несовершенство действий, требуемых законом под страхом уголовного преследования».¹⁵⁹ Таким образом, длящееся преступление – это преступное состояние, достигаемое действием или бездействием. Тот факт, что в цитируемом постановлении преступное состояние при действии отделяется от длительного несовершенства действия при бездействии, вовсе не исключает преступного состояния в последнем варианте. Скорее всего, преступное состояние присутствует и при непрерывном совершении системы действий, и при непрерывном бездействии. Термин «состояние» уязвим только с одной стороны: сам по себе он показывает степень стабильности, закоснелости. И это при том, что длящееся преступление само по себе характеризуется динамичностью поведения (потому оно и «длящееся»). Но здесь и заключена истинная сущность анализируемого преступления: длящееся преступление динамично вне сомнения, однако динамика его существования в целом представляет собой одно оконченное преступление, «продвигающееся» во времени без изменения своей сущности и содержания и тем самым создающее опасное состояние личности. При таком подходе противоречие между состоянием и динамичностью в длящемся преступлении исчезает. О данном преступном состоянии в длящемся преступлении писал в свое время Н. С. Таганцев: «...преступления, которые, раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют благодаря этому как бы преступное состояние...».¹⁶⁰ На непрерывность такого поведения указывают и другие авторы.¹⁶¹ Однако коль скоро мы говорим о преступном состоянии, о непрерывном существовании деяния в длящемся преступлении, то, следовательно, должны иметь в виду: а) в качестве длящегося преступления имеет значение лишь данное непрерывное существование, лишь *опасное состояние*, суммирующее это существование, а не каждый из его составляющих акт; б) состояние деяния имеет свой временной интервал «от – до», поскольку оно включает в себя динамичное поведение; в) момент окончания длящегося преступления определяется характером состояния, его завершенностью; попытка ограничить момент окончания длящегося преступления только моментом завершения первого из входящих в длящееся преступление акта (положил пистолет в карман и сделал первый шаг – это уже ношение как длящееся преступление, положил наркотики в тайник – это уже хранение как длящееся преступление и т. д.)¹⁶² едва ли оправдана, поскольку длящееся преступление в таком случае перестает быть длящимся и становится простым единичным преступлением, чего быть не должно, если мы всерьез выделяем длящееся преступление не

¹⁵⁹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1944–1958 гг. М., 1958. С. 75.

¹⁶⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 258.

¹⁶¹ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 114; Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 638; Караев Т. Э. Указ. соч. С. 10 и др.

¹⁶² Семернева Н. К. и др. Указ. соч. С. 8 и др.

как простое, а в качестве сложного единичного. Необходимо осознать то, что в определении сущности длящегося преступления не может быть заложено противоречие: признания непрерывности существования его и окончания с момента завершения первого акта – либо мы признаем непрерывность существования и соответствующее ему состояние как сущностные признаки длящегося преступления, либо мы низводим его до первичного акта и тем самым – до единичного простого. Объединение противоречий в общий конгломерат приводит к сумбуру в понимании последующих правовых последствий: неоконченной преступной деятельности, соучастия, давности привлечения к уголовной ответственности и т. д. Сложность длящегося преступления и определяется относительной непрерывностью развития поведения во времени и, возможно, в пространстве (ношение оружия), хотя, конечно же, длящееся преступление, прежде всего, характеризуется перемещением во времени этого единичного простого, т. е. свидетельствует не просто о тождественности, но об идентичности составляющих длящееся преступление актов (движении во времени *не такого же, а того же* самого).

Именно поэтому, скорее всего, все виды преступления, которые сегодня теория уголовного права относит в целом к длящимся, имеют сложную структуру в том плане, что они являются либо единичными простыми (бежавший из-под стражи схвачен сразу после преодоления последнего препятствия, что свидетельствует об отсутствии опасного состояния как продления преступного поведения, как его длящегося характера), либо длящимися (в случае возникновения опасного состояния как следствия нелегального проживания лица в обществе).

На этом фоне все нормы Особенной части, в которых может содержаться длящееся преступление, могут быть разделены на те, которые отражают только длящиеся преступления и которые регламентируют не только длящиеся, но и единичные простые преступления. Например, побег из-под стражи регламентирует и единичное простое (бежавший схвачен после преодоления последнего препятствия), и длящееся (при возникновении опасного состояния) преступление. Отсюда теория уголовного права должна внимательно относиться к поиску длящихся преступлений в той или иной норме Особенной части УК. Например, В. И. Тюнин, связывая длящееся преступление с невыполнением обязанностей, считает, что «в гл. 22 УК составы преступлений, объективная сторона которых заключается в неисполнении обязанностей, предусмотрены ст. 177, 190, 192, 193, 194, 198 и 199 УК РФ», относя их тем самым к длящимся преступлениям.¹⁶³ Автор неправ в одном – не все перечисленные статьи УК регламентируют только длящиеся преступления; он и сам это понимает, поскольку указывает, что некоторые из перечисленных преступлений могут быть и продолжаемыми.¹⁶⁴ При этом автор упустил из виду, что они же (по крайней мере, некоторые из них) могут быть еще и единичными простыми преступлениями в случаях отсутствия преступного состояния (например, преступления, предусмотренные ст. 190, 192 и др. УК).

И это не просто схоластическое выделение единичного простого преступления. На данной основе мы должны скорректировать и остальные уголовно-правовые последствия признания преступления единичным простым. Так, например, признание побега из-под стражи единичным простым в случае задержания лица при преодолении последней преграды и окончании преступления должно влечь за собой «нормальное» применение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК), поскольку отсутствует опасное состояние личности. В этом плане весьма показателен бандитизм, который обычно признается оконченным с момента создания банды. И это правильно и для бандитизма как единичного простого, и для бандитизма как длящегося преступления. Однако в последнем варианте возникает еще момент

¹⁶³ Тюнин В. И. О «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал российского права. 2001. № 1. С. 46.

¹⁶⁴ Там же.

фактического окончания преступления, знаменующего собой завершение опасного состояния банды.

Состояние длящегося преступления определяется временем совершения его. При этом все анализируемые преступления можно разделить на преступления с определенным сроком и бессрочные. Как правило, длящиеся преступления ограничиваются тем или иным сроком: за гражданином сохранялась обязанность донести о совершенном преступлении до того момента, когда о совершенном преступлении или о лице, его совершившем, стало известно правоохранительным органам, после такового обязанность донесения исчезала; хранение наркотиков ограничивается временем их сбыта, когда хранение прекращается и т. д. Срок длящегося преступления почти всегда более или менее четко определен и позволяет установить момент окончания длящегося преступления.

Значительно реже длящееся преступление совершается бессрочно (например, иногда хранение оружия или даже его ношение), в таких случаях момент окончания преступления перенесен на неопределенный срок – виновный готов хранить или носить оружие до самой своей смерти. В указанном плане вовсе непротиворечивыми являются высказывания различных авторов, одни из которых говорят о непрерывном совершении длящегося преступления «в течение *определенного* (выделено нами. – А. К.) периода времени»,¹⁶⁵ тогда как другие утверждают обратное: «длящееся преступление длится *неопределенно* (выделено нами. – А. К.) долгое время...».¹⁶⁶ И то и другое в длящемся преступлении возможно. Вне зависимости от того, с чем мы сталкиваемся: с определенным или неопределенным временным интервалом в состоянии длящегося преступления, необходимо отличить возможность в длящемся преступлении и пресеченной (приготовления или покушения), и прекращенной (добровольного отказа) преступной деятельности, коль скоро временной интервал имеется, а значит, и возможно прерывание преступной деятельности либо иными силами, либо самим виновным.

Состояние длящегося преступления, похоже, во многом зависит и от предмета, с которым связано поведение виновного. Это хорошо видно на примере укрывательства: при укрывательстве следов преступления виновным выгодно как можно скорее уничтожить их, и потому состояние длящегося преступления может быть максимально коротким; при укрывательстве похищенного срок укрывательства может быть и достаточно длительным в зависимости от стечения иных различных обстоятельств, в частности, от характера, ценности, временной устойчивости вещи, от цели дальнейшего использования вещи и т. д.

Цель – это следующий фактор, влияющий на состояние длящегося преступления. Поскольку цель обобщает всю совокупность актов или обобщает «скольжение» одного акта во времени в пределах состояния длящегося преступления, то ее следует считать общей целью. Эта общая цель может быть конкретизированной (например, хранение наркотика с целью сбыта) или неопределенной (например, ношение оружия для защиты от возможного нападения, которого, не исключено, никогда не будет).

Неопределенная цель в длящемся преступлении становится возможной лишь потому, что даже ее наличие не способно превратить единичное сложное (длящееся) во множественное преступление, при анализируемом преступлении невозможна вообще конкуренция со множественностью. Это объясняется спецификой длящегося преступления, в котором один акт этипируется по времени и иногда в пространстве, а один и тот же акт не может создать множественности, последняя создается только тождественными, однородными или разнородными актами.

И последним признаком длящегося преступления является единый умысел, объединяющий непрерывное развитие деяния в одно преступление. При совершении длящегося пре-

¹⁶⁵ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 114; Семернева Н. К. и др. Указ. соч. С. 8, и др.

¹⁶⁶ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 633 и др.

ступления виновный сознает, что он находится в относительно длительном непрерывном противоречии с социальными нормами, что он постоянно нарушает общественные отношения. Похоже, что этот умысел может быть только прямым, поскольку поведение, рассматриваемое как длящееся преступление, выступает либо в виде исполнения преступления с той или иной (конкретизированной или неопределенной) целью, либо в виде создания условия, связанного с таким исполнением.

На основе изложенного можно предложить такое *определение длящегося преступления: это существующее непрерывно действие или бездействие, создающее опасное состояние при наличии общей цели и единого умысла.*

Таким образом, мы согласны с теми авторами, которые придерживаются толкования длящегося преступления, предложенного в далеком 1929 г.,¹⁶⁷ не забывая при этом о преступном состоянии. Очень похоже на то, что многие не согласятся с термином «преступное состояние», которое уже предлагалось не только теоретиками, но и судебной практикой. В литературе очень скупа аргументация того, почему Постановление от 1929 г. в плане определения длящегося преступления оказалось непригодным. Даже в изданной работе А. А. Пионтковского¹⁶⁸ буквально накануне выхода в свет Постановления 1963 г., изменившего определение длящегося преступления, нет ни капли сомнения в приемлемости положений Постановления 1929 г.

В своей работе Н. Ф. Кузнецова говорит лишь о неприемлемости термина «преступное состояние».¹⁶⁹ В курсе уголовного права нам встретилась конкретизация факта применения определения длящегося преступления,¹⁷⁰ из которого косвенно следует, что теорию и практику не удовлетворило именно то «противоречие» между динамичностью существования длящегося преступления и состоянием, как чем-то застывшим, о котором мы выше уже писали. На самом деле такого противоречия нет и опасения криминалистов на этот счет беспочвенны.

Кроме того, нам видится еще одна причина отказа от термина «преступное состояние», он базируется на неприемлемости для советского уголовного права вообще термина «преступное состояние», на негативном к нему отношении, словно не преступное состояние лежит в основе формирования особой тяжести преступлений, совершенных при особо опасном рецидиве. Вместе с тем и с точки зрения законодателя «опасное состояние» вполне оправданно и актуально. Так, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определена «семья, находящаяся в социально опасном положении», под которой понимается семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. И хотя законодатель говорит о социально опасном положении, тем не менее, он имеет в виду именно опасное состояние, в данном случае, семьи.

На наш взгляд, нет причин отказываться от термина «преступное состояние» и применительно к длящимся преступлениям, поскольку оно очень точно отражает («создает известную образность в характеристике длящегося преступления»¹⁷¹) специфику данного преступления, особенно в сочетании с непрерывностью существования поведения.

Думается, изменение определения длящегося преступления связано не только с самим термином «опасное состояние», но еще и с тем, что наличие опасного состояния как существенного признака длящегося преступления исключает возможность расширенного определения исследуемого вида преступления. До сих пор мы говорим о длящихся преступлениях,

¹⁶⁷ Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1974. С. 6; Караев Т. Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 10, и др.

¹⁶⁸ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 633, 638.

¹⁶⁹ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1950. С. 127.

¹⁷⁰ Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 161.

¹⁷¹ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 127.

закрывающихся лишь в действии либо только в бездействии, которые в качестве оконченого преступления существуют во времени. Однако теория уголовного права к длящимся преступлениям после Постановления 1963 г. традиционно относит такие, которые совершаются путем действия и признаются окончанными при этом, с последующим бездействием (невыполнением обязанности действовать). В качестве примера таковых приводятся бандитизм, дезертирство, побег из места заключения или из-под стражи и др. Однако и указанные виды преступления характеризуются опасным состоянием; особенно это очевидно при бандитизме, когда по мысли законодателя и представляет повышенную опасность постоянная готовность вооруженной организованной группы к совершению тех или иных посягательств на те или иные общественные отношения.

Дезертирство – это самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу (ч. 1 ст. 338 УК). На уровне неявки в часть с целью уклонения от воинской службы мы, без сомнения, видим длящееся преступление, поскольку здесь в чистом виде имеется бездействие, характеризующееся непрерывностью, существующей во времени и, возможно, в пространстве и образующей преступное состояние.¹⁷² Что касается оставления части с указанной целью, то здесь все несколько усложняется, поскольку в качестве дезертирства закон устанавливает *оставление части*, т. е. сам факт ухода из части с определенной целью является преступлением; при таком понимании длящийся характер преступления отсутствует. Однако в последующем он не явился в воинскую часть, и эта неявка ничем не отличается от второй разновидности дезертирства (неявки), поэтому последующее бездействие после оставления части также будет дезертирством, самостоятельно отраженным в законе. И поскольку длящийся характер дезертирства специально отражен в законе в виде неявки, постольку само по себе оставление части нельзя признать длящимся преступлением. Значит, в целом мы не можем признать дезертирство длящимся преступлением. Здесь длящимся является неявка на службу, тогда как оставление части следует признать простым единичным. Таким образом, в данном случае мы имеем альтернативную диспозицию, содержащую в себе два самостоятельных вида единичных преступлений.

Совершенно иначе выглядело оформление дезертирства в ч. 1 ст. 247 УК РСФСР: «Оставление воинской части или места службы с целью уклониться от военной службы, а равно неявка с той же целью на службу *при назначении, переводе, из командировки, из отпуска или из лечебного заведения*». Как видим, неявку на службу законодатель связывал только с жестко установленными в законе условиями (назначением, переводом, командировкой и т. д.). При таком решении уклонение от службы после оставления части оставалось привязанным только к нему (оставлению), соответственно, оставление части как дезертирство сохраняло свой длящийся характер, и в целом все дезертирство нужно было признавать длящимся преступлением. В силу указанного новая редакция дезертирства гораздо хуже старой, поскольку она предполагает искусственную обязательную квалификацию по совокупности оставления части и неявки с соответствующим усилением наказания, тогда как сама по себе неявка как самостоятельное единичное преступление будет наказываться гораздо мягче, что не соответствует реалиям. В старом же законе просто были выделены два самостоятельных вида дезертирства, носящих длящийся характер, когда идеальная совокупность была просто исключена. Именно поэтому следует вернуться к определению дезертирства, которое было предложено ч. 1 ст. 247 УК РСФСР с ее альтернативной диспозицией и двумя самостоятельными видами дезертирства, каждый из которых будет носить длящийся характер.

В этом плане законодатель совершенно верно поступил применительно к самовольному оставлению части или места службы, сохранив в ч. 1 ст. 337 УК РФ в неприкосновенности положения ст. 246 УК РСФСР (альтернативную диспозицию и два самостоятельных длящихся

¹⁷² Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5. С. 314–315.

вида самовольного оставления части или места службы). Именно поэтому никаких особенностей в приведенных видах преступлений как длящихся не существует и на их основе нельзя выделить специфическую группу длящихся преступлений.

Не вызывает сомнений в принадлежности к длящимся преступлениям и особой сложностью толкования такие виды преступлений, как хранение (оружия, наркотиков и т. д.), ношение (оружия) и т. п. Здесь отчетливо видно, что преступление длится во времени: начинается с момента первого телодвижения по осуществлению деяния (при действии) или момента возникновения обязанности (при бездействии) действовать и заканчивается с последним телодвижением по осуществлению преступления (при действии) или отпадении обязанности действовать (при бездействии). А также очевидно, что некоторые из них совершаются только путем действия (ношение оружия), тогда как другие – лишь путем бездействия (хранение и т. д.). Вне зависимости от характера поведения (действие это или бездействие) длящееся преступление остается одинаковым во всем временном интервале (виновный либо носит оружие, либо хранит его и т. д.). При этом разрыв во времени между отдельными актами длящегося преступления не исключает его единичного характера и не превращает единичное преступление во множественное. Например, ношение оружия с перерывом на сон, работу и последующим ношением оружия остается единичным преступлением, количество таких перерывов значения не имеет до тех пор, пока не закончится само поведение (лицо выбросит, продаст оружие, оно будет у него изъято правоохранительными органами и т. д.). Лишь возникновение новой подобной деятельности после завершения первой приводит к созданию множественности преступлений. А прекращение длящегося преступления до его логического завершения – окончания преступления – представляет собой неоконченную преступную деятельность.

Учитывая, что некоторые из них носят бессрочный характер (например, навсегда исключить военную службу), необходимо определиться с моментом окончания длящегося преступления. Так, по мнению В. Т. Чхиквадзе, дезертирство признается оконченным с момента задержания лица или явки его с повинной.¹⁷³ Это общеизвестное понимание момента окончания длящегося преступления, относящееся еще к XIX в. («возникновение противоположных фактов»). Однако, по мнению А. И. Санталова, возникновение указанных обстоятельств является *прерыванием преступного состояния*.¹⁷⁴ А коль скоро это представляет собой прерывание преступной деятельности, то мы должны данные обстоятельства признать либо прерыванием помимо воли лица (приготовлением или покушением), либо по воле лица (добровольным отказом). Во всех этих вариантах мы сталкиваемся с неоконченной преступной деятельностью, но не с оконченным преступлением. На этой основе А. И. Санталов предлагает отодвинуть момент окончания на более отдаленный период, признав моментом окончания дезертирства истечение призывного возраста лица.¹⁷⁵ Автору не удалось до конца выдержать свою позицию, поскольку здесь же он утверждает: «До момента оставления части или срока явки на службу возможно приготовление к дезертирству, а при попытке оставить часть – и покушение. До этого момента возможен и добровольный отказ».¹⁷⁶ В результате прерванную преступную деятельность (приготовление, покушение, добровольный отказ) автор соотносит с оставлением части или сроком явки на службу – до оставления части она возможна, после – нет. Остается непонятным, почему она же возникает на момент задержания или явки виновного. Позиция А. И. Санталова была бы верной, если бы он говорил о простом единичном преступлении. Но применительно к длящемуся преступлению она не точна, поскольку данное преступление как единичный акт поведения, как действие или бездействие уже окончено при осуществлении

¹⁷³ Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 6. С. 498.

¹⁷⁴ Курс советского уголовного права. Т. 5. Л., 1981. С. 315.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

этого поведения (оставления части, например) и длится во времени в качестве оконченного преступления; соответственно, в последующем оно уже не может быть прерванным. Именно поэтому ни явка с повинной, ни задержание не прерывают преступной длящейся деятельности; они здесь выполняют иные функции – завершения длящейся деятельности.

Мало того, позиция А. И. Санталова не совсем приемлема и в части признания сроком окончания дезертирства предельного возраста призыва, поскольку в таком случае отодвигается время вступления в действие некоторых правовых последствий на очень длительный срок. Например, давность привлечения лица к уголовной ответственности начнет свой отсчет после истечения около 30 лет (для рядового состава) с момента оставления части, т. е. с известной долей допуска можно констатировать, что на такие длящиеся преступления сроки давности фактически не распространяются. А если и такого срока окончания преступления указать невозможно, тогда вообще о давности говорить не приходится. Именно поэтому предложение А. И. Санталова об установлении жесткого срока окончания длящегося преступления заслуживает внимания.

Здесь возникает интересный вопрос: считается ли оконченным длящееся преступление в промежутке времени от юридического до фактического его окончания? Вроде бы вопрос поставлен некорректно: ведь если преступление длится во времени как оконченное, то в любом временном отрезке данного интервала оно должно признаваться оконченным. Однако не все так очевидно. Например, лицо длительное время хранило оружие и затем выбросило его – оконченное здесь преступление или нет, признавать факт освобождения от оружия криминально незначимым, поскольку до этого хранение оружия уже было окончено, или деятельным раскаянием, также связанным с оконченным преступлением, или добровольным отказом, т. е. неоконченным преступлением. В теории нет однозначного решения указанных вопросов. Так, некоторые ученые признают, что сообщение правоохранительным органам о готовящемся или совершенном преступлении после юридического окончания преступления признается деятельным раскаянием.¹⁷⁷ Мы знаем, что недонесение сегодня преступлением не является, тем не менее сам факт предложенного толкования длящегося преступления настоятельно требует, поскольку при такой точке зрения в длящихся преступлениях нет места добровольному отказу: до того момента, когда лицо не могло сообщить, нет ответственности в связи с отсутствием недонесения вообще, а с момента получения возможности сообщить об имеющихся сведениях возникает уголовная ответственность в связи с окончанием преступления, т. е. лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности после юридического окончания преступления. В этом ощущался элемент социальной несправедливости: все-таки лицо сообщило в надлежащие органы о преступлении до того, как там узнали о нем. И не случайно многие ученые предлагали освобождать от уголовной ответственности таких лиц.¹⁷⁸

Разумеется, вполне приемлема зависимость определения момента юридического или фактического окончания длящегося преступления от специфики конкретного вида преступления. Но на этом влияние особенности вида преступления должно закончиться, поскольку в дело вступают жестко однозначные уголовно-правовые категории: юридическое и фактическое окончание преступления. Правовое значение интервала между ними должно быть одним и тем же для всех длящихся преступлений, потому что оно заключается лишь в следующем: юридическая оконченность преступления продолжается во времени до момента его фактической завершенности. Временной промежуток между юридическим и фактическим окончанием длящегося преступления не изменяет характера данного преступления, оно остается юриди-

¹⁷⁷ Бушнев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство. М., 1965. С. 91; Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1984. С. 60.

¹⁷⁸ Бушнев И. А. Указ. соч. С. 92 и др.

чески оконченным и как таковое должно быть квалифицировано в течение всего временного промежутка.

Что же нужно сделать для восстановления социальной справедливости? Видится два пути: 1) признать оконченным длящееся преступление с момента юридического окончания преступления и соответствующую возможность деятельного раскаяния в интервале между юридическим и фактическим моментами окончания его, выделив две разновидности деятельного раскаяния – смягчающего и исключающего уголовную ответственность; недостатком подобного является приравнивание правовых последствий деятельного раскаяния к правовым последствиям добровольного отказа, хотя указанное и имеет законодательную основу (примечания к ст. 64, 218 и др. УК РСФСР, ст. 75 УК РФ); 2) признать оконченным длящееся преступление с момента фактического окончания его и соответствующую возможность добровольного отказа на протяжении всего временного промежутка между юридическим и фактическим окончанием преступления со свойственными ему правовыми последствиями. С точки зрения существующей теории более приемлемо второе. Дело в том, что с юридическим окончанием длящееся преступление в целом не может быть признано оконченным. «Состав преступления по ст. 190 УК РСФСР является осуществленным с момента невыполнения обязанности сообщить о преступлении, если у субъекта была реальная возможность это сделать. Окончание преступления – явка с повинной, привлечение виновного к ответственности».¹⁷⁹ Здесь много спорного и неясного: что такое «осуществленный» состав, возможен ли добровольный отказ и в чем он будет заключаться (коль скоро есть временной промежуток между «осуществленностью» и окончанием преступления, возможно и прекращение виновным преступной деятельности по собственной воле) и т. д. Очевидно же одно: окончание преступления связывается с фактическим, а не с юридическим окончанием. Сказанное подтверждается и тем, что давностные сроки начинаются именно с этого момента.

Следовательно, длящееся преступление считается оконченным тогда, когда воедино сливаются юридическое и фактическое окончание преступления (для хранения оружия – когда оружие изъято у виновного правоохранительными органами и т. д.). Таким образом, прекращение деятельности по воле самого лица до такого слияния есть добровольный отказ, тем более, что и последствия (освобождение от уголовной ответственности) ему соответствуют.

Настолько ли опасны данные преступления, чтобы исключать по ним давность привлечения к уголовной ответственности, если при совершении убийства (ст. 105 УК РФ) – самого опасного преступления по действующему законодательству, давностный срок привлечения к уголовной ответственности исчезает при обычных условиях через 15 лет после совершения преступления? В такой ситуации можно было бы пойти по элементарному пути и оговорить особые условия применения давности привлечения к уголовной ответственности относительно длящихся преступлений, однако это было бы полумерой, поскольку сроки окончания имеют значение и для других институтов уголовного права. Поэтому, думается, законодатель должен специально оговорить момент окончания длящихся преступлений, в том числе в их бессрочном варианте.

Естественны сомнения в необходимости и приемлемости подобного. Главное из них заключается в том, что возможность ограничения каким-либо сроком фактически незавершенного преступления противоречит принципам уголовного права вообще, что не может уголовное право искусственно признавать какое-то преступление оконченным, если оно не окончено.

Во-первых, это вовсе не так. Если законодателю нужно, он превращает ту или иную неоконченную деятельность в оконченное преступление, создавая условно оконченные преступления в законе. Ведь не случайно закон регламентирует преступления с формальной или

¹⁷⁹ Курс советского уголовного права. Т. 4. Л., 1978. С. 392.

усеченной диспозицией (формальными или усеченными составами). В этом смысле мало чем будет отличаться от подобного и ограничение определенным сроком длящегося преступления.

Во-вторых, предложенный подход ничуть не противоречит принципам уголовного права. Вернемся к тому же дезертирству. Если мы признаем моментом окончания истечение призывного возраста, то нет никакого социального смысла для ожидания в течение нескольких десятилетий окончания преступления (для рядовых призывной возраст истекает в 50 лет), а затем еще несколько лет ожидать истечения давностного срока и уже после – применять ст. 78 УК РФ (это называется «на пенсию с чистой совестью»). Однако очевидно в данной ситуации то, что существующее в первые годы после совершения первого акта длящегося преступления преступное состояние поведения лица уже через несколько лет теряет социальную остроту. То же самое дезертирство через несколько лет после оставления части и объективно, и субъективно становится неактуальным для общества, как неактуально убийство по истечении 15 лет, прошедших после его совершения. Мы можем жить эмоциями и всплескивать руками: «Ах, убийство; искать убийцу до самой его смерти», однако закон твердо установил: коль скоро прошло 15 лет после содеянного, отыскание виновного и наказание его теряет социальный смысл, естественно, при соответствующих условиях. То же самое необходимо сказать и по отношению к длящимся бессрочно преступлениям. Мы должны оставить эмоции в стороне и не менее твердо заявить: человек, хранивший в течение 5–7–10 лет у себя дома гранату и не использовавший ее, или человек, носивший столько же времени оружие и не применивший его для причинения вреда, – добропорядочные граждане, и общественную опасность не представляют ни они сами как личности, ни их поведение. Именно такой подход и гуманен и справедлив, и целесообразен с социальных позиций, а значит, может быть и законен.

В-третьих, при неограниченном сроке длящихся преступлений станет возможной ненаказанность некоторых преступлений, т. е. будет нарушен уголовно-правовой принцип неотвратимости наказания. Например, бандитизм (ст. 209 УК РФ) – это иногда длящееся бессрочное преступление. В то же время в уголовном законе установлена ответственность за его укрывательство (ст. 316 УК РФ). Но общеизвестно, что укрывательством признается только заранее не обещанная деятельность, которая осуществляется после окончания укрываемого преступления. Коль скоро при бандитизме нет срока окончания, постольку невозможно привлечение за укрывательство при его совершении, хотя в действительности такое укрывательство вполне реально. И чтобы разрешить изложенное противоречие, нужно либо исключить из ст. 316 УК возможность укрывательства бандитизма, либо установить срок окончания бандитизма, сохранив тем самым объем законом установленного укрывательства. Первый вариант, на первый взгляд, представляется более простым, снимающим проблему сразу. Однако при таком решении потребуется исключить из статей, регламентирующих укрывательство, все указания на укрывательство длящихся бессрочных преступлений, однако подобное едва ли возможно. Но имеется и второе препятствие для такого решения: оно ставит определенные преграды для будущих законодательных инициатив. Именно поэтому более предпочтителен второй вариант решения проблемы – установление условного срока окончания длящегося бессрочного преступления.

Каким должен быть этот срок? Наличие в законе того или иного срока всегда сложно аргументировать. Однако нам представляется, что при установлении срока окончания бессрочного длящегося преступления можно исходить из сроков снятия судимости для особо опасных рецидивистов, урегулированных УК РСФСР, потому что в их лице мы сталкиваемся с виновными повышенной социальной опасности, повышенного преступного состояния. Коль скоро даже в отношении них, доказавших свою неисправность, судимость могла быть снята после истечения восьми лет с момента отбытия наказания, то в отношении лиц, совершающих длящееся преступление, также находящихся в преступном состоянии и не изменивших ситуацию в сторону ее ухудшения, тем более после истечения, скажем, пяти лет, можно сказать о том,

что преступление признается оконченным. Именно с этим моментом должны быть связаны иные институты уголовного права (неоконченная преступная деятельность, деятельное раскаяние, соучастие, давность привлечения к уголовной ответственности и т. д.). Да, это будет еще одна уголовно-правовая условность, но она будет способствовать более точному применению иных институтов уголовного права, более точной квалификации, искоренению ненужных и бесплодных дискуссий в теории и соответствующих ошибок в судебной практике. Ведь не секрет, что каждый преподаватель вуза имеет свой взгляд или избирает одну из понравившихся ему позиций, соответственно, «вдалбливая» ее в сознание студентов и на практике, последнее, естественно, как правило, следует своему кумиру. А если таких позиций по какой-либо проблеме три или пять, то две или четыре из них, по меньшей мере, а может быть, и все они ложны, ошибочны, и эти ошибки теории с необходимостью выливаются в практику, которая становится столь же ошибочна. Увы, но факт: чем больше формализован закон, тем меньше дискуссий по данному поводу, тем меньше ошибок на практике.

При рассмотрении длящихся преступлений можно выделить два их вида: 1) одно оконченное преступление длится во времени, создавая опасное состояние личности, но без повторения опасного действия (побег из-под стражи); такие длящиеся преступления могут совершаться и путем действия, и путем бездействия (неявка в воинскую часть); 2) преступление как действие или бездействие совершается постоянно или систематически, действие или бездействие повторяется само собой (ношение оружия). Эти особенности необходимо учитывать при отграничении от смежных видов единичных преступлений.

Они не особенно заметны при разграничении длящегося и единичного простого преступлений, когда главным отличительным признаком выступает опасное состояние, которого нет в простом единичном, но которое присутствует в длящемся преступлении. Разумеется, в простом единичном отсутствуют и другие признаки длящегося преступления – общая цель и единый умысел.

Особую сложность представляет собой разграничение длящегося и продолжаемого преступления, поскольку и то, и другое являются родственными – они представляют собой сложные единичные преступления. Кроме того, длящиеся и продолжаемые преступления весьма схожи между собой по своим объективным свойствам. Это особенно видно применительно ко второй группе длящихся преступлений, когда виновный совершает ряд связанных между собой действий (ношение оружия) или непрерывно бездействует, ведь в продолжаемом преступлении мы также сталкиваемся с систематичностью взаимосвязанных действий лица. В связи с этим совершенно не случайно Н. Д. Сергеевский называл длящиеся преступления продолжаемыми.¹⁸⁰ Сложность разграничения увеличивается еще потому, что и в длящемся, и в продолжаемом преступлениях процесс совершения преступления непрерывен, мало того, он создает преступное состояние (совершение первого акта продолжаемого преступления предполагает обязательное совершение других актов в будущем, что и предопределяет преступное состояние), и то, и другое преступления характеризуются общей целью и единым умыслом. Именно поэтому отличие тех и других достаточно актуально.

Главной отличительной особенностью длящихся преступлений является то, что в них существует идентичность структурных элементов, но есть и другие отличия: 1) в длящемся преступлении непрерывно существует во времени и иногда в пространстве одно и то же деяние; в продолжаемом – только тождественное или однородное, хотя применительно ко второй группе длящихся преступлений, когда систематически совершаются тождественные действия, данное разграничение не действует; 2) в длящемся преступлении действия связаны с одним и тем же предметом (одной и той же совокупностью предметов), в продолжаемом – с различными предметами в каждом преступном акте; 3) в длящемся преступлении способ действия

¹⁸⁰ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 315.

всегда один и тот же, в продолжаемом преступлении разные способы, которые могут быть тождественными, но идентичными – никогда; 4) субъективная сторона в длящемся преступлении призвана отражать именно идентичное поведение, в продолжаемом – только тождественное или однородное; 5) общая цель в длящемся преступлении может быть конкретизированной и неопределенной, в продолжаемом – только конкретизированной. Думается, при применении указанных отличительных признаков проблема дифференциации длящихся и продолжаемых преступлений полностью исчезнет.

2.3. Преступление с двумя последствиями

К сложным единичным теория уголовного права относит и преступления с двумя последствиями. «Разновидностью сложного является преступление, квалифицированное наличием тяжких последствий...».¹⁸¹ В последующей работе В. П. Малков отказался от них как самостоятельной разновидности сложных единичных.¹⁸² В качестве примера обычно приводят ч. 2 ст. 108, ч. 3 ст. 116 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123 УК РФ) и другие подобные виды преступлений, в которых наряду с одним последствием наступает и другое. В. С. Прохоров вообще называет их преступлениями с двумя формами вины.¹⁸³

Именно поэтому возникает несколько проблем: а) имеется ли в реальной жизни такая разновидность сложного единичного преступления или же в действительности они – суть составные диспозиции; б) круг этих преступлений; в) их наименование.

Первая проблема, представляется, разрешается достаточно просто, поскольку в реальной жизни совершаются преступления, в которых одним действием причиняется несколько последствий (например, ревнивый муж одним ударом дубины или одним выстрелом, взрывом убивает жену и ее любовника). При этом оба вреда могут быть либо тождественными (смерть двух лиц), либо различными (смерть одного и телесные повреждения другого лица). Существенными признаками данной разновидности сложного преступления является то, что, во-первых, совершается одно деяние, а, во-вторых, имеет место причинение двух последствий. Главное в определении данного вида преступления – единство деяния. Сложность в том и заключается, что два последствия наступают от одного действия. Наличие нескольких действий и нескольких последствий с необходимостью приведет к продолжаемому или множественным преступлениям. Наглядным примером подобного выступает умышленное убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), диспозиция которого включает в себя две разновидности единичного сложного преступления: продолжаемого, когда несколькими действиями осуществляется убийство двух или более лиц, и с двумя последствиями, когда убийство двух или более лиц осуществляется одним действием.

Второй существенный признак более очевиден: должны наступить два или более вреда. Сложнее вопрос об объективной связи того и другого вреда с единичным действием, т. е. мы должны отчетливо представлять, что оба вреда причинены одним действием виновного. К сожалению, ни теория уголовного права, ни практика не выделяют этой особенности анализируемого вида преступления. Это просматривается на примере ч. 4 ст. 111 УК РФ, признаваемой единичным с причинением тяжких последствий. Ни один из исследователей не задал себе вопроса: почему обычные повреждения, в нормальных условиях приводящие к тяжкому вреду здоровью, вдруг в тех или иных ситуациях приводят к смерти, а не к тяжкому вреду здоровью. На наш взгляд, таковое может возникать в двух случаях: 1) при наличии каких-либо особенностей организма потерпевшего, о которых знал виновный, но легкомысленно рассчитывал на предотвращение смерти, либо не знал, но должен был и мог предвидеть

¹⁸¹ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 121; Семернева Н. К. и др. Указ. соч. С. 10, и др.

¹⁸² Малков В. П. Множественность.... С. 16.

¹⁸³ Курс советского уголовного права. М., 1968. С. 268–269.

наступление последствий; 2) при наличии особенностей деяния, когда лишь на поверхностном уровне деяние выглядит как единичное, а при глубоком рассмотрении мы можем увидеть, что все деяние состоит из действий, обычно приводящих к тяжкому вреду здоровью, и дополнительных действий, которые и привели к смерти, но скрыты первыми. Единичные сложные с двумя последствиями возможны только в первом случае, тогда как во втором мы сталкиваемся со множественностью преступлений (несколько действий и несколько последствий) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Только в первом варианте правомерно приводить ч. 4 ст. 111 УК как тяжкий вред здоровью, связанный со смертью потерпевшего, в качестве примера единичного сложного с двумя последствиями.

Ко второму варианту можно обоснованно отнести и случаи неосторожного наступления смерти в результате производства незаконного аборта (ч. 2 ст. 123 УК).

Именно поэтому круг единичных сложных с двумя последствиями значительно уже, чем он представляется в теории уголовного права.

Наглядно это видно при анализе вышеизложенной позиции В. С. Прохорова по поводу наименования данного вида сложных единичных преступлений. С одной стороны, преступления с двумя формами вины, как выше было сказано, не все являются единичными сложными с двумя последствиями. А с другой стороны, единые сложные с двумя последствиями не ограничиваются преступлениями с двумя формами вины, они возможны и с одним видом вины (убийство двух или более лиц). Таким образом, можно выделить два подвида единичных сложных с двумя последствиями: а) с одним видом вины; б) с разными видами вины.

Подводя итог сказанному, единичными сложными с двумя последствиями следует признавать только такие преступления, в которых два и более последствия причиняется одним действием виновного при его одном или нескольких видах вины к каждому из последствий.

С продолжаемыми и длящимися преступлениями анализируемый вид преступления схож наличием общности умысла и цели в определенных случаях, а с длящимся дополнительно – и единичностью деяния. Отличие же их состоит в том, что иногда исследуемый вид преступления может совершаться и при нескольких формах вины, кроме того – отсутствием преступного состояния виновного.

Раздел II

Множественные преступления: понятие и элементы

Глава 1

Понятие множественности преступлений

Важным показателем общественной опасности лица, совершившего преступление, наряду с другими факторами является количество совершенных им преступлений. Единичное преступление характеризуется одним уровнем опасности, повторяемость преступлений свидетельствует о качественно ином уровне общественной опасности. Повышенную общественную опасность совершения одним лицом нескольких преступлений уголовное право фиксировало всегда; это было понятным уже древнейшему уголовному праву. Например, в древнеегипетском праве ложно обвинивший другое лицо в краже осла не подвергался наказанию, но давал клятву: «Если я вновь вернусь к делу, я буду под 100 ударами палками и буду должен ему двух ослов»,¹⁸⁴ т. е. при повторном ложном обвинении возникало достаточно серьезное телесное и имущественное наказание.

В теории русского уголовного права нам удалось найти первое упоминание о множественности у О. Горегляда: «Стечение преступлений состоит в том, когда несколько ненаказанных еще преступлений одного и того же самого преступника откроются вместе в одном и том же суде или по одному и тому же уголовному делу».¹⁸⁵ Как видим, автор говорит о стечении преступлений применительно к одному и тому же преступнику по ненаказанным еще преступлениям при объединении их в одном уголовном деле, т. е. о множественности без судимости. В последующем русское уголовное право уделяло основное внимание разновидностям множественности, но не ее определению.

В советском уголовном праве вопросам множественности преступлений, в том числе ее определению уже уделяется достаточно много внимания. При этом можно встретить совершенно различные определения множественности преступлений от самых кратких до максимально объемных. Так, **под множественностью преступлений понимали совершение лицом двух и более (нескольких) преступлений**.¹⁸⁶ Данная позиция была подвергнута критике, поскольку была объявлена неточной в связи с неотражением в ней совершения преступления после погашенной или снятой судимости, после истечения давностного срока, когда имеются процессуальные препятствия.¹⁸⁷ Сразу отметим, что критика явно не по адресу, но об этом несколько позже. Приведем еще одно такое же краткое определение множественности преступлений: множественность – «стечение в поведении одного и того же лица нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом»,¹⁸⁸ которое также подверглось критике из-за его нераспространяемости на рецидив.¹⁸⁹ Похожее определение множественности находим и в одном из учебников уголовного права: множественность – это «совершение одним

---

¹⁸⁴ Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XIV–X веков до н. э. Л., 1960. С. 120.

¹⁸⁵ Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. Ч. 1. СПб., 1815. С. 86–87.

¹⁸⁶ Ткеишладзе Г. Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961. С. 10; Дагель П. С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969. С. 1.

¹⁸⁷ Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 9–10; *Он же*. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 9.

¹⁸⁸ Фролов Е. А., Галиакбаров Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. Свердловск, 1967. С. 8; см. также: Кафаров Т. М. Проблемы рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972. С. 9.

¹⁸⁹ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 11.

и тем же лицом нескольких правонарушений, каждое из которых расценивается уголовным законом как самостоятельное преступление».¹⁹⁰ И вновь В. П. Малков критикует данное определение за его якобы общий характер.¹⁹¹

Из приведенной критики становилось понятным, в каком направлении должно было развиваться определение множественности преступлений, и в теории уголовного права появились уточненные определения. Так, по мнению некоторых авторов, множественность преступлений представляет собой сложное образование, состоящее из преступлений и проявляющееся в одновременном или последовательном совершении нескольких преступлений¹⁹² (как видим, данное определение уже может быть распространено и на рецидив). В дальнейшем определения множественности преступлений все более усложнялись. В. П. Малков дает такое определение: «Случаи совершения лицом двух или более преступлений, независимо от того, подвергалось оно осуждению или нет, если при этом хотя бы по двум из них не погашены юридические последствия либо не имеется процессуальных препятствий к уголовному преследованию».¹⁹³ Соответственно, данная позиция также была подвергнута критике, поскольку «само определение множественности преступлений формулируется не в виде четкой дефиниции, а путем его довольно сложного и многословного описания».¹⁹⁴ Тем не менее, несмотря на критику, наука уголовного права пошла по пути развернутого определения множественности преступлений,¹⁹⁵ иногда – весьма занимательного: «Множественность преступлений охватывает такие сочетания двух или более преступлений в действиях одного и того же лица, которые, обладая существенными особенностями, нашедшими отражение в уголовном законодательстве, послужили основанием для классификации их в науке уголовного права»,¹⁹⁶ хотя и здесь речь идет о совершении одним лицом нескольких преступлений.

Не будем более утомлять читателя перечислением авторских позиций, тем более что основные тенденции изложены: одни авторы дают короткие и лаконичные определения множественности преступлений, другие же стремятся расширить определение до тех или иных пределов, включая в него дополнительные условия; и те и другие друг друга критикуют. Для нас очевидно: чтобы дать надлежащее определение множественности преступлений, следует, во-первых, освободиться в нем от всего лишнего; и, во-вторых, отразить в нем суть множественности преступлений.

Как видим, некоторая часть представителей науки уголовного права под множественностью преступлений понимает совершение одним лицом нескольких самостоятельных однородных либо разнородных преступлений, по двум из которых как минимум не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, не погашена или не снята судимость, отсутствуют процессуальные препятствия. В этом плане признано наиболее удачным определение множественности преступлений, предложенное З. А. Незнамовой: «Сочетание в поведении одного и того же лица нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом, при условии, что каждый из актов преступного поведения субъекта представляет собой самостоятельный состав преступления, сохраняет уголовно-правовое значение и не имеет про-

¹⁹⁰ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 293.

¹⁹¹ Малков В. П. Множественность преступлений... С. 10.

¹⁹² Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Сов. государство и право. 1981. № 7. С. 54.

¹⁹³ Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 11; *Он же*. Множественность преступлений... С. 12.

¹⁹⁴ Владимиров В. А., Криволапов Г. Г. Рец. на кн.: В. П. Малков. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982 // Сов. государство и право. 1984. № 2. С. 146–147.

¹⁹⁵ Панько К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 11; Семериева Н. К., Новоселов Г. П., Николаева З. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания. Свердловск, 1990. С. 14 и др.

¹⁹⁶ Караев Т. Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 24.

цессуальных препятствий для уголовного преследования».¹⁹⁷ В данном определении, прежде всего, нас настораживает термин «сочетание», который свидетельствует не столько о наличии нескольких самостоятельных явлений, сколько показывает тесную связь между ними, что не всегда характеризует множественность преступлений. Могут возразить, что при множественности несколько преступлений в минимальной степени связаны одним лицом, однако данный элемент выведен в определении за пределы сочетания. Кроме того, в силу отрицательного отношения к составу преступления, мы предпочитаем конкретизировать те виды преступления, применительно к которым возможна множественность преступлений. Мало того, представляется излишним указание на условия существования множественности: не истекли сроки давности, не погашена или не снята судимость, каждый из актов сохраняет уголовно-правовое значение и т. д. Ведь речь идет о множественности **преступлений**, когда лицо совершает несколько преступлений, определенных законом в качестве преступления и не обремененных обстоятельствами, исключающими наличие преступления, коим нет числа (это и малозначительное деяние, и добровольный отказ, и обстоятельства, исключающие преступность и т. д. и т. п.). В их перечислении при определении множественности преступлений просто нет смысла, поскольку здесь речь идет о наличии **преступления**, о наличии множественности **преступлений**, а не об их исключении. Структура и сущность преступления и в законе, и в теории уголовного права жестко обозначены и именно на них должно базироваться определение множественности преступлений. Кроме того, необоснованно в приведенных определениях говорится об однородных либо разнородных преступлениях, поскольку множественность распространяется на любые преступления вне зависимости от того, носят они характер тождественных, однородных или разнородных. И последнее. Совершенно необоснованно вводится в определение множественности преступлений отсутствие процессуальных препятствий для уголовного преследования по нескольким причинам. Во-первых, уголовное право не знакомо с понятием процессуальных препятствий, которое лежит за пределами теории и практики уголовного права. Во-вторых, уголовное право не знакомо с понятием уголовного преследования, в нем просто не должно быть места уголовно-процессуальным категориям. В уголовном праве присутствует понятие уголовной ответственности, которое по непонятным причинам, скорее, в силу стремления к самостийности, было проигнорировано уголовным процессом с изобретением нового понятия уголовного преследования. И кто кого преследует в уголовном процессе, кто за кем бежит, уголовное право беспокоить не должно. Особенности же уголовной ответственности и ее неприменения прописаны в уголовном праве, в соответствии с этим прописано и наличие или отсутствие преступления в тех или иных ситуациях. А именно это нам и нужно при установлении множественности преступлений. В-третьих, уголовный процесс как вспомогательная относительно уголовного права отрасль права, как форма проявления вовне уголовного права, как свод правил действия правоохранительных органов по реализации положений уголовного права не должен содержать в себе никаких препятствий по применению уголовного правовых положений, тем более по пониманию основной уголовно-правовой категории преступления, в том числе – и множественности преступлений. Преступление, множественность преступлений – уголовно-правовые категории, и уголовный процесс не вправе решать вопросы их наличия или отсутствия. Именно поэтому из приведенного расширенного определения множественности преступлений следует исключить все дополнительные условия, которые сущностно не изменяют анализируемое понятие, а лишь затушевывают его. В этом плане мы поддерживаем позицию В. А. Владимирова и Г. Г. Криволапова, изложенную выше.

Что же следует оставить в определении множественности преступлений, в чем сущность данного явления? «Несмотря на имеющиеся разногласия по этим вопросам, большинство

¹⁹⁷ Малков В. П., Шкредова Э. Г. Множественность преступлений // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. СПб., 2005. С. 455.

авторов справедливо отмечают, что множественность преступлений характеризуется случаями совершения одним лицом двух или более преступлений или нескольких преступлений». ¹⁹⁸ К сожалению, Ю. А. Красиков прав; достаточно взглянуть на приведенные выше позиции по пониманию множественности и на некоторые другие. ¹⁹⁹ Данный подход считает приемлемым и Г. В. Назаренко: «Следует отметить, что имеющиеся в юридической литературе определения правильно раскрывают особенности такого социально-правового феномена, как множественность преступлений». ²⁰⁰ Очевидность предложенного понимания сущности множественности преступлений трудно отрицать. Действительно, на поверхностном уровне множественность преступлений и заключается в совершении нескольких преступлений как определенном объективном факторе.

При этом несколько преступлений могут создавать только единичные преступления, т. е. уже рассмотренные единичные простые либо единичные сложные (продолжаемые, длящиеся, с двумя последствиями) преступления в любом их соотношении: только единичные простые, только единичные сложные в тех или иных видах, единичные простые с единичными сложными в различных их разновидностях. Вместе с тем необходимо помнить еще и о том, что вполне возможно существование множественности множества преступлений в тех случаях, когда законодатель уже выделил в диспозиции нормы определенное положение, рассматриваемое в качестве закрепленной в уголовном законе множественности преступлений. К таковым относятся существующие в уголовном законе составные и альтернативные диспозиции. Например, к составным относят изнасилование; совершение нескольких изнасилований создает множественность преступлений, хотя реально все это представляет собой множественность закрепленных в законе множественностей преступлений. В соответствии со сказанным несколько преступлений при их множественности могут представлять собой и смешение единичных преступлений в различном их виде с отраженными в законе множественностями преступлений в различных их разновидностях.

Дело в другом – достаточно ли такого представления о множественности. Ведь изначально институт множественности преступлений подвергался сомнению; многие ученые отрицали необходимость его существования. Н. С. Таганцев привел мнение некоторых ученых (Карно, Шютце, Меркеля, Спасовича), суть которого заключалась в неприемлемости наказывать дважды за одно и то же преступление, которая следовала из учета множественности. ²⁰¹ И на фоне приведенного объективного определения анализируемого института уголовного права они абсолютно правы, поскольку принцип неотвратимости наказаний реализуется в случае назначения наказания за каждое из совершенных преступлений. В этом случае вполне достаточным будет наличие правила установления наказания при совершении лицом нескольких преступлений, не прибегая к понятию и не разрабатывая понятие множественности преступлений, что осуществляло и осуществляет уголовное законодательство до сегодняшнего дня (ст. 69, 70 УК). Именно поэтому множественность преступлений как нечто особенное в уголовном праве можно было исключать еще в XIX в. или не принимать во внимание сегодня.

Однако сущность множественности преступлений гораздо сложнее и богаче по содержанию. Н. С. Таганцев далее пишет: «Мы принимаем во внимание, что прежняя судимость изменяет даже объективное значение деяния, изменяет размер вреда, страха, опасения, выражаемого преступным деянием. **Еще более оснований для изменения ответственности усмотрим мы в субъективном элементе: степень закоренелости, привычка к пре-**

¹⁹⁸ Уголовное право России. Т. 1. Общая часть. М., 1999. С. 257.

¹⁹⁹ Мельникова Ю., Алиев Н. Понятие множественности преступлений // Сов. юстиция. 1981. № 12. С. 23; Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М., 1997. С. 215 и др.

²⁰⁰ Назаренко Г. В. Множественность преступлений как проявление системности в уголовном праве // Системность в уголовном праве. М., 2007. С. 289.

²⁰¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. СПб., 1902. С. 1350.

ступлению, определяющая преступную волю и придающая ей особенно опасный характер (здесь и ниже выделено нами. – А. К), являются несомненно обстоятельствами, относящимися к вновь совершенному деянию».²⁰² На протяжении XIX–XXI вв. большинство ученых обращали и обращают внимание на субъективные характеристики множественности преступлений. Так, В. Д. Набоков, выступая на Копенгагенском международном съезде криминалистов в 1913 г., посчитал необходимым обратить внимание и на субъективные признаки, характеризующие личность виновного (опасные склонности, образ жизни, порочные привычки). **Только из соединения объективного критерия (известного числа умышленных преступлений) с субъективным (определенным социально опасным настроением личности) может получиться достаточное основание для дифференциации уголовной ответственности** (ради истины отметим, что В. Д. Набоков говорил не об уголовной ответственности, а о мерах безопасности, что пока для нас особого значения не имеет).²⁰³ Подобное в теории уголовного права звучало и совсем недавно: «При совершении лицом нескольких преступлений, как правило, причиняется больший моральный, физический либо материальный вред обществу и личности, **виновный обнаруживает устойчивое отрицательное отношение к интересам государства, общества и отдельных граждан, глубокое укоренение в сознании антиобщественных взглядов и привычек**»

---

²⁰² Там же.

²⁰³ Цит. по: Люблинский П. И. Международные съезды по уголовному праву за десять лет (1905–1915). Пг., 1915. С. 131.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.